Истинный принц

Автор:
Хэйлоу Саммер

Истинный принц

Хэйлоу Саммер

Young Adult. Немецкое магическое фэнтезиПепел и зола #2

Счастье Клэри и Испера длилось недолго. Девушке советуют остерегаться принца и внушают, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Однажды Клэри сталкивается с сильной и опасной магией, когда получает письмо, в корне изменившее ее жизнь. В то время как Испер хранит секреты, Клэри отправляется в Царство Призраков, чтобы узнать больше о своем происхождении. Но что ей суждено там отыскать? Гибель или спасение? И сможет ли она найти путь домой, когда порталы между мирами закроются навсегда…

Саммер Хэйлоу

Истинный принц

Глава 1

В библиотеке тихо, и мой покой совершенен. Или был бы таковым, если бы моя добрая фея не наблюдала, как я стою на лестнице и смахиваю пыль с корешков книг – один за другим. То, когда она откроет рот и тем самым разрушит все волшебство этого зимнего дня – только вопрос времени.

С самого раннего утра хлопья снега густо кружатся над нашим домом, а лампы горят целый день. Еще год назад мы экономили бы на масле для ламп, но приятное преимущество моего замужества состоит в том, что денег у нас на данный момент более чем достаточно. Недостатки тоже есть. Один из них заключается в ошибочном убеждении моей феи-крестной в том, что я с нетерпением жду ее добрых советов относительно моей семейной жизни.

– Вместо того чтобы переставлять на полках книги, которые тебе прислал Испе?р, и вытирать с них пыль, ты бы лучше их почитала.

– Моя дорогая почтенная фея, ты забыла – мы об этом уже говорили.

– То была крайне тщетная дискуссия, если ты это имеешь в виду.

– Вообще-то это была не дискуссия, – говорю я, – а четкий приказ с моей стороны, который гласил: пожалуйста, оставь меня в покое! Я свободный человек.

– Свободный? Ну да.

– Если для тебя узы брака означают нечто вроде тюремного заточения, то я понимаю, почему ты так долго избегаешь замужества.

Моя фея игнорирует эту провокацию и тихонько фыркает себе под нос. Однако уже спустя несколько минут переходит к очередной атаке:

– Хочется только пожалеть твоего мужа. Он так старается, а ты его ни капельки не поддерживаешь.

– Я и не знала, что тебя это как-то касается.

– Не касается? Меня? – расстроенно восклицает она. – Неужели ты думаешь, что одна в этом мире?

Я тяжело вздыхаю и критически оглядываю свою фею: эта женщина едва ли больше гнома, но ее голос ошеломляет, как и вкус в одежде, а вернее, его абсолютное отсутствие, что регулярно вызывает у окружающих изумление и

озадаченное покачивание головой. К тому же моя фея верит в самые нелепые призрачные видения и, насколько мне известно, у нее кроме меня нет ни одной подруги. Учитывая все эти предпосылки, было бы разумно, если бы она иногда, ну, время от времени, – как и любой другой человек, – испытывала какую-никакую неуверенность в себе. Но не тут-то было! Она всегда все знает лучше меня, и каждый раз, когда я противоречу ей, превращается в упрямого нервного монстра, который настойчиво пилит меня, пытаясь добиться своего.

– Выходя замуж, ты брала на себя обязательство, – объявляет она, наконец, тоном, который окончательно разрушает ту сонную, уютную атмосферу, которая так воодушевляла меня до этого. – Тебе нужно сделать все возможное, чтобы стать культурной и образованной дамой, дабы император однажды принял тебя. Если ты и дальше продолжишь в том же духе, император так и будет гонять своего сына по всему миру просто для того, чтобы удерживать его на расстоянии от тебя. Сколько раз Испе?р был здесь с тех пор, как вы поженились? Три раза? Четыре? У твоего мужа есть план! Он хочет, чтобы тебя принимали при дворе. Но ты предпочитаешь квасить капусту, протирать пыль с книг и вычищать сарай, как какая-то служанка. Продолжай в том же духе, и однажды он и вовсе не вернется!

Я в шаге от того, чтобы выхватить с полки огромный тяжелый фолиант и швырнуть его в мою фею. Вот бестия! Всем своим гномьим весом с размаху ударила по самому больному месту. Видя ее торжествующее выражение лица, я решительно тянусь к «Жизни Хигготи Вутцби» и угрожающе поднимаю книгу в воздух. К сожалению, этот толстый том – подарок Испе?ра, и он настоятельно рекомендовал мне его прочитать. Я так и не продвинулась дальше четвертой главы, но судя по толщине книги, Хигготи Вутцби дожил до глубокой старости.

Моя фея снова открывает рот:

– Нет! – кричу я. – Хватит! Я никому ничего не должна, тем более – императору! Я не хочу, чтобы меня принимали при дворе. Я делаю то, что хочу, понятно? Испе?р знал, во что ввязывается.

– А если он знал, тогда почему хочет изменить тебя?

– И вовсе не хочет. Просто у него проблемы с отцом.

– У всех у нас проблемы с его отцом, моя дорогая. – Моя фея говорит это полушепотом, тем нарочито-примирительным тоном, который кажется мне еще более агрессивным, чем те открытые нападки, к которым она прибегала раньше. – Потому что его отец, к сожалению, глава нашей страны и самый могущественный человек в мире. Его желание – закон. И он, видимо, желает, чтобы брак его сына закончился как можно скорее. Его стратегия ясна как день: он позаботился о том, чтобы Испе?р проводил в Амберлинге несколько дней в году, делая ставку на то, что постепенно вы отдалитесь и станете равнодушны друг к другу. Тебе восемнадцать, Испе?ру двадцать один, а в этом возрасте любовь приходит и уходит очень быстро.

«Жизнь Хигготи Вутцби» в моей руке вдруг становится почти неподъемной. Мимолетный приступ отчаяния и уныния заставляет меня вернуть книгу обратно на полку, вместо того чтобы попытаться убить мою фею. Каждый раз, когда снова вижу Испе?ра, он кажется мне чужим. Вероятно, так происходит потому, что я никогда не знала его особо хорошо. Но это не меняет того факта, что каждый раз мы вновь влюбляемся друг в друга и едва ли в состоянии расстаться. Но как долго это будет продолжаться? Год? Три года? Или на самом деле до конца наших дней?

– А поскольку твой муж гораздо умнее и дальновиднее тебя, – безжалостно продолжает моя добрая фея, – он хочет убедиться, что однажды его отец примет тебя в императорском дворце, и ты так его очаруешь, что он забудет обо всех своих оговорках и одобрит тебя как члена императорской семьи, несмотря на то, что ты не можешь похвастаться ни малейшим проявлением магического таланта. Вступая в семью могущественных магов, нужно компенсировать недостаток одаренности другими сильными сторонами. Ты, в принципе, умная девушка. А будь у тебя образование и прекрасные манеры…

– Забудь об этом! – перебиваю я. – Я не собираюсь меняться только ради того, чтобы от меня не сбежал муж!

– Во-первых, – возражает моя фея. – Тебе нужно не меняться, а чему-то учиться. Это еще никому не повредило. Во-вторых, развод грозит разорением не только тебе, но и твоим сестрам. У вас нет ничего общего, а брачный контракт, на котором настоял император, гласит, что, если ты надоешь Испе?ру, то останешься у разбитого корыта.

– Он никогда не бросит меня на произвол судьбы. Даже если разлюбит.

– Ха! – восклицает моя фея. – Ты – наивное, невежественное дитя! Развод меняет людей. Ненависть после него становится едва ли не больше, чем любовь когда-то. А ведь есть еще ущемленная гордость. Может, ты и сумеешь забрать себе несколько безделушек, которые он тебе подарил, но этого не хватит, чтобы всю жизнь кормить себя и своих сестер.

Я делаю глубокий вдох, но прежде, чем успеваю что-то ответить, она продолжает свои причитания:

– Кроме того, тебе стоит подумать и о том, что потеря благосклонности Испе?ра будет значить для Амберлинга. Для нашей провинции это станет настоящей катастрофой.

– Хватит! – кричу я. – Иди домой. Пробуй ингредиенты своего любимого варенья из виски, пока не увидишь, как в воздухе летают золотые короны, но, пожалуйста, оставь меня в покое!

– Нет, ты…

– Ты живешь не здесь, – холодно добавляю я. – Но, кажется, в последнее время ты совершенно об этом забыла. Как по мне, ты бываешь здесь слишком часто. Так что ступай!

Внезапно моя фея выглядит еще меньше, она словно съеживается и выглядит подавленной. Я ранила ее чувства – ранила намеренно, но теперь мне снова ее жалко. Ее взгляд медленно устремляется к окну, и пока моя фея смотрит, как на улице все падает и падает снег, я понимаю, что давят на нее вовсе не мои резкие слова.

– Я бы пошла, но… – произносит она и замолкает.

– Король-Призрак приближается, – заканчиваю я ее предложение. – Ну что ж. Тогда просто посиди здесь, пока не прекратится снегопад, а я найду место, где смогу дышать свободно.

С этими словами я иду к двери, но моя фея по-прежнему взволнована:

– Куда ты хочешь пойти?

– В сад, насыпать корма в кормушки.

– Но ведь там небезопасно! Там же не видно ни зги! Ты можешь отойти от дома только на расстояние длины трех рук, дальше нельзя! Король-Призрак там, я чувствую это!

Суеверия моей феи порой более утомительны, чем ее лекции о моем заранее обреченном браке.

– Где ж мне взять такие длинные руки, чтобы добраться до кормушки? – с издевкой вопрошаю я. – Нет, так не пойдет.

И прежде, чем моя фея успевает что-то ответить, я тороплюсь выйти из библиотеки. Я не верю в Короля-Призрака и в его жутких подданных, которые в метель заманивают заблудших путников в свое Царство и якобы удерживают их там навечно. Но когда выхожу из дома через дверь в салоне, ведущую в сад, и бреду сквозь тихое и абсолютно белое ничто, я чувствую необъяснимый страх. С тех пор, как год назад осенью увидела, как из реки поднимается туманная нимфа, старые истории и песни, которые моя мама рассказывала мне, когда я была еще очень мала, обрели для меня новое значение. Чрезвычайно жуткое значение.

Возможно, он действительно существует, этот призрачный мир, который моя фея так любит и которого так боится. Сегодня мало кто помнит старую веру, и точно так же, как канула в небытие она, темные короли и ведьмы тоже не являются больше частью нашего мира. Они ушли, и не осталось дверей, которые вели бы в те края, где скрывается Король-Призрак или подобное странное существо. Надеюсь.

Наконец, среди снежной вьюги я различаю очертания кривого бука. С птичьим кормом в заплечной сумке поднимаюсь по лестнице, а оттуда карабкаюсь по веткам к тому месту, где висит кормушка. Это каменный домик, который много лет назад я нашла на грязном пастбище у дороги. Отец тогда рассказал мне, что такие домики есть по всей стране. В древности они служили странникам и бездомным почтовыми ящиками, в которых те оставляли свои письма.

В детстве я каждый день забиралась на дерево и проверяла домик, надеясь, что какой-нибудь путник вложит в него письмо для меня, но все, что находила моя рука – только мох, пауки и высохшие листья. Однажды зимой отец предложил повесить дом на буке, чтобы от старого почтового ящика была польза для птиц. С тех пор он там и висит, а я наполняю его зерном, как только выпадает первый снег.

После многих лет практики я точно знаю, на какую ветку встать, как повернуться и потянуться, чтобы добраться до маленького каменного домика, висящего в воздухе. Я просовываю руку внутрь домика и начинаю высыпать зерна, когда чувствую, что кончики пальцев сталкиваются с неожиданным сопротивлением. Бумага – в кормушке лежит бумага!

Я с недоверием вытаскиваю из кормушки нечто, похожее на письмо. Сложенный втрое, выцветший, покрытый коричневатыми пятнами лист бумаги, закрытый печатью из черного воска. Сначала я какое-то время просто смотрю на него, затем кладу в карман и продолжаю насыпать корм в кормушку. После немного наблюдаю за тем, как птицы подлетают и без малейшего страха забираются в домик. Однако вскоре любопытство побуждает меня спуститься по лестнице вниз. У подножия дерева меня ждет, громко и выжидательно мяукая, наш толстый кот Гворрокко. О чем только думает это создание? Что я сейчас вытащу из кармана птицу и запихну ее в его раскрытую пасть?

Вместо вкусной птички достаю из кармана письмо, и Гворрокко приходит в ужас. Он выпучивает на бумагу глаза, и все волоски на его шерсти встают дыбом. Кот стоит совершенно неподвижно, потом начинает злобно шипеть (или это приглушенный визг?) и убегает так быстро, словно за ним гонится стая охотничьих собак Випа.

Снег все продолжает идти. Он падает с неба огромными хлопьями, и мне не видно ни нашего дома, ни тропинки, ведущей к нему. Я осматриваю странное письмо со всех сторон и, так и не сумев представить, кто мог бы мне его отправить, наконец, ломаю печать. Письмо написано черными чернилами, почерк прост и лишен всякой вычурности, размашистые буквы выведены решительной рукой. Послание чрезвычайно короткое.

«Начинается, – написано на бумаге. – Готовься, дочь нечестивой!»

Я нерешительно оглядываю белизну нашего сада. Людей, знающих, что человек, которого большую часть своей жизни я считала своим папой, не был моим биологическим отцом, очень мало. В ночь моего рождения он принес меня из постоялого двора с дурной славой, что носит дурацкое название «Хвост Аллигатора», и воспитал так, как если бы я была его родной дочерью.

Моя мать была одной из тех молодых девушек, которые зарабатывали себе на жизнь в этом кабаке. Ее звали Джана. Я ничего о ней не знаю, кроме жутких песен и историй, которые она пела и рассказывала мне всякий раз, когда навещала меня. Она умерла до того, как мне исполнилось шесть. С прошлого лета я дважды пыталась расспросить о ней хозяина «Аллигатора». Однако оба раза он реагировал грубо и почти враждебно. «Оставь это дело, дитя! – ворчал он. – Что было, то прошло, а императору об этом знать не следует».

Нет, император ни в коем случае не должен был узнать, что моя мать была проституткой. Но тот, кто написал это письмо, кажется, знает мою тайну. Он хочет напугать меня? Угрожать мне? Или он знает о моем настоящем отце то, что следует знать и мне?

– Мой отец живет здесь? – спрашивала я хозяина «Аллигатора». – Это безмозглый парень из города? Или моряк, который так и не вернулся? Кем он мог быть?

– Откуда мне знать?

– Он ей нравился?

Ничего не сказав, хозяин «Аллигатора» повернулся ко мне спиной и ушел. Просто оставил мой вопрос без ответа. Но именно то, что он отверг меня вместе с моими вопросами в такой бесцеремонной манере, заставляет задуматься, что история моего появления на свет, возможно, не так банальна, как кажется. А может, я просто на это надеюсь? Может, мне хочется, чтобы мои родители любили друг друга? Как убого. Здесь и сейчас для моего существования не имеет абсолютно никакого значения, что происходило в «Хвосте Аллигатора» до моего рождения. Все закончилось; ушло навсегда, когда я прибыла сюда, в этот дом и в этот сад, в первую ночь своей жизни.

Я откладываю нежданное письмо, стараясь не думать о Короле-Призраке и его жутких подданных, отхожу от заснеженного бука и бреду к садовым воротам, где на старом фонарном столбе висит вторая кормушка. Следы, которые я оставила десять минут назад по дороге к кривому дереву, давно исчезли под свежим снегом. Какое-то время я не вижу вообще ничего – ни дома, ни деревьев, ни тропинки, ни забора.

– Клэри?

Голос, зовущий меня, – вполне земной. Он звучит как голос Випа, но этого не может быть, потому что бывший кронпринц Амберлинга уже три месяца пребывает в имперской столице, Толовисе, обучаясь дисциплине, которая, вероятно, называется: «Как мне управлять провинцией, которая раньше была моим собственным королевством?»

Знакомое фырканье и тяжелое дыхание приближаются ко мне, и вот передо мной вырисовываются очертания охотничьих собак Випольда. Радостно лая, они бросаются ко мне, повизгивая, запрыгивают на меня и пытаются дотянуться до моего лица своими длинными языками. Можно было бы, конечно, чувствовать себя польщенной, но эти бездумно счастливые собаки исполняют ровно то же самое со всеми людьми без исключения – даже с Этци, к ее величайшей досаде.

Охваченная их жизнерадостностью, я опускаюсь на колени и приветствую животных с тем же преувеличенным энтузиазмом, с каким они приветствуют меня. Думаю, в их слюнявых ртах живет своя магия, потому что, пока я тщетно сопротивляюсь тому, чтобы меня свалили в снег, весь мрак из меня улетучивается. Я чувствую себя свободной от невидимых существ, пересекающих границы миров, чрезмерно тревожащихся фей и безумных посланий из птичьих кормушек.

– Они не могли дождаться, чтобы увидеть тебя! – кричит Вип, едва успев появиться из-за завесы снегопада. – Прямо как я. Мой первый путь – к тебе.

Месяцы, которые Випольд провел в Толовисе под пятой имперского суперинтенданта, похоже, ничуть не расстроили его. Он выглядит таким же бодрым и расслабленным, как и всегда.

– Добро пожаловать домой, Вип! Я думала, ты вернешься только весной.

– Так и будет. Я здесь всего на несколько дней – приехал навестить родителей. А еще хотел рассказать тебе кое-что, о чем узнал в Толовисе. Решил, что будет лучше поговорить с тобой лично. Никогда не знаешь, в чьи руки попадет письмо.

– Что-то серьезное?

– Ну, не на государственном уровне, – отвечает он. – Но… в личном плане – серьезно.

– Тогда давай поговорим об этом прямо здесь. Мои сестры жаждут новостей и набросятся на тебя с вопросами, как только мы войдем в дом.

Вип смотрит вверх, на потемневшее от снега небо.

– Мы можем где-нибудь укрыться?

– Пойдем со мной, – говорю я и веду его к сараю, где моя фея однажды подарила мне занавеску яблочно-зеленого цвета, которую ошибочно приняла за бальное платье.

– Раз уж ты упомянула своих сестер, – говорит Вип, пока тащится следом за мной. – Правдивы ли те слухи, что я слышал о Каникле и нашем новом поваре?

– А что ты слышал?

– Что Каникла, забыв о своем положении, бегает за ним как маленькая собачонка.

– Нет-нет, все как раз наоборот! Это он за ней бегает. Сестра без ума от творений, которые он для нее придумывает, и я могу это понять. Ты хоть раз пробовал коричные крендели, которые он назвал «Сахарными губками Никлы»? Или пряники под названием «Никла с перчиком»? Они настолько восхитительны, что я, чего доброго, скоро стану круглой, как шар.

– Ты меня удивляешь.

– Почему?

– Так нельзя, – объясняет Вип. – Невестка императорского сына не может бродить по рынку с нашим поваром и советоваться с ним в выборе зелени для супа. Тем более когда повар женат и по крайней мере лет на десять старше нее.

– Ну, как видишь, может.

Вип качает головой.

– Ты – практически глава семьи, поскольку твое положение предполагает заботу о сестрах. Твой долг: заставить Каниклу опомниться и объяснить ей, что она должна воздержаться от подобного поведения. То, что они с поваром творят, вредит твоей репутации!

– Что они сделали с тобой в Толовисе, что ты вдруг стал таким поборником морали и нравственности?

– Совершенно ничего. А вот ты в последнее время, кажется, утратила понимание того, что правильно, а что нет.

– Так было всегда. Просто ты слишком поздно это заметил.

– А что по поводу всей этой истории сказала бы твоя мать?

– Мачеха, ты имеешь в виду? Она заперла бы Каниклу в ее комнате без конфет, пока та не разрыдается и не поклянется в слезах держаться подальше от повара. Но я ничего подобного не сделаю. По мне так пусть Каникла делает, что ей нравится.

– Ты несешь ответственность за свою семью, – возражает Вип. – Тебе следует понимать, что это значит.

– Боже, ты точь-в-точь как моя фея-крестная, – говорю я, толкая дверь в сарай. – Я не для того в течение довольно долгого периода времени стирала белье Каниклы, опорожняла ее ночной горшок и стряхивала крошки пирога с ее простыней, чтобы теперь, выйдя замуж за принца, стать ее надсмотрщицей. И

если ты не хочешь со мной поссориться, то не читай мне лекций, а просто расскажи новости из Толовиса!

Вип закрывает за собой дверь сарая, и мы вдруг оказываемся в темноте. Окна здесь есть, но они серые от грязи и в них почти не проникает дневной свет. Вспыхивает спичка, и в ее свете Вип осматривает помещение в поисках свечи или лампы. Напрасно.

– В Толовисе такого не бывает, – печально говорит он, когда пламя гаснет и возвращается тьма. – Даже самый простой человек может сотворить небольшое световое заклинание. Что-то, называемое магикалией, проходит через кончики пальцев людей и позволяет им использовать магию для упрощения повседневной жизни.

– Надо же, как им повезло.

– Я хочу сказать, что мы странная маленькая провинция, Клэри. Отсталая, незначительная и капризная с точки зрения Империи. Я заметил это еще в Военной Академии, но тогда я был среди дворян из влиятельных семей. Я думал, что магические достижения касаются только высшего класса, но теперь знаю, что в Империи колдовать могут все люди. Может, это умение проявляется у них в незначительной степени, но в отличие от нас, жителей Амберлинга, они могут это делать. Мы же совершенно бездарны в том, что касается магии, за некоторыми исключениями, к которым относятся наши феи-крестные.

– Еще одна причина избегать Империи.

– Но ведь теперь мы ее часть.

– Ага, отсталая и капризная, как ты мне только что объяснил.

– Этого нельзя отрицать, – задумчиво произнес Вип. – Жизнь в Толовисе восхищает меня, но…

Он замолкает, потому что мне наконец удалось найти шкаф для инструментов и выдвинуть ящик, в котором лежат несколько свечных огарков. Вытащив тот из них, что подлиннее, Вип зажигает еще одну спичку, держит ее возле фитиля,

пока свеча не начнет гореть.

– Но? – спрашиваю я, вставляя огарок в тиски верстака.

– Я вообще не понимаю, как мы смогли продержаться так долго, – говорит он. – Как мы могли удерживать наши границы против Империи, обычные граждане которой магически намного одареннее нашего населения?

– Магия – это еще не все.

Мы оба не отрываем взгляд от пламени, мерцающего над тисками. То, что рассказывает Вип, не является для меня таким уж большим сюрпризом. Испе?р все время повторяет, что люди здесь, в Амберлинге, – странные, причудливые упрямцы, и самая упрямая из них – я.

– Ну, – говорит Вип, – вообще-то я не собирался читать тебе лекции о том, насколько отсталая у меня, оказывается, страна. Возможно, у нас есть другие сильные стороны, помимо общедоступной магии. Кроме того, теперь мы находимся под защитой императора, а посему не имеет значения, что мы умеем или не умеем делать. Мы станем извлекать выгоду из достижений Империи, и нам не нужно беспокоиться о будущем Амберлинга. Меня больше беспокоит кое-что другое.

– Мы переходим к серьезному личному вопросу?

Вип смущенно откашливается.

– Да, – признается он. – Он касается твоего мужа.

– Я слушаю.

– Можешь себе представить, насколько популярны в Толовисе оба императорских сына. По всей Империи, то есть практически по всему миру, ими восхищаются, обожают и почитают, ибо они не только сыновья императора, но и два необычайно талантливых волшебника.

– Да, – отвечаю я. – Несмотря на всю мою отсталость, на это у меня воображения хватает.

– Я ожидал, что меня станут расспрашивать, со мной будут говорить о том, что девушка из моей страны замужем за вторым сыном императора. Я предполагал, что они слышали о бывшем королевстве Амберлинг в связи с этим событием. Но никому в Толовисе ничего не известно ни про Амберлинг, ни про вашу свадьбу. Они смеются надо мной, когда я начинаю об этом говорить.

Я пытаюсь взять себя в руки, пытаюсь успокоиться, но тело бьет тревогу. Мое сердце бешено колотится о ребра и при этом так громко стучит, что в ушах тоже начинает шуметь.

– И что это значит? – спрашиваю я. – Что император держит свадьбу Испе?ра в секрете?

– Не только император. Испе?р и все остальные члены императорской семьи, по-видимому, тоже.

– Почему?

– И ты еще спрашиваешь?

Действительно, зачем спрашивать? Я и сама могу ответить. Они поступают так, потому что это – позор. Для императорской семьи этот брак не несет пользы. Вдобавок ко всему однажды он может закончиться, и тогда этот вопрос уладится сам собой. Никто ничего не заметит и не узнает.

Невесту Испе?ра знают только в Амберлинге – и больше нигде.

– Мне очень жаль, – говорит Вип.

Я молчу и смотрю на пламя свечи. Внезапно оно мерцает, вспыхивает сильнее и вскоре гаснет без малейшего ветерка.

Глава 2

Несмотря на то, что откровения Випа преследуют и не дают мне покоя весь оставшийся день, своей фее я об этом ничего не рассказываю. Это только подтолкнет ее к дальнейшим литаниям по поводу краха моего брака в обозримом будущем. И все же мне очень хочется показать ей письмо, которое я нашла в кормушке. Я дожидаюсь, пока Этци и Каникла не отправятся спать поздним вечером, а мы обе не останемся наедине перед камином.

Мой линдворм Львиное Сердце распластан на полу, извиваясь вокруг наших двух кресел так, чтобы полностью вписаться в размеры салона. Как и все представители его рода, он спит с открытыми глазами, а когда выдыхает, то выбрасывает в воздух крошечные облачка дыма. Он не может извергать огонь – для этого он находится в чересчур дальнем родстве с настоящими драконами, но в самые холодные дни мне нравится греть руки над его ноздрями. Очень удобно.

Моя фея, уже выпившая свой чай с добавкой «для души» (как она это называет), с завидной регулярностью натыкается на поджатый хвост Львиного Сердца – собственно, каждый раз, когда ей из-за усердного потребления чая приходится снова и снова посещать укромную комнатку за гардеробом.

И вот сейчас, когда она возвращается после очередного похода, я достаю письмо и рассматриваю его в отблеске пламени камина.

«Начинается, – по-прежнему написано там. – Готовься, дочь нечестивой!»

Я переворачиваю и кручу бумажку в руках в поисках дополнительных подсказок, но ничего не нахожу.

– Что это? – с любопытством спрашивает фея.

На самом деле, она говорит: «Что… ой… упс?», потому что недостаточно высоко поднимает ногу над хвостом моего дракончика, но я все равно ее понимаю.

– Это письмо, которое я нашла в снежном буке.

– В святыне?

– Это не святыня, а потрепанный годами почтовый ящик.

– Конечно, это святыня! – возражает она. – В них странники оставляли небольшие подношения и пожелания богам и духам. Они просили их о безопасном путешествии.

– Так или иначе, теперь это кормушка, и сегодня днем я обнаружила в ней сомнительное послание. И сейчас я хочу узнать от тебя, снабжена ли эта бумажка какой-нибудь магической чепухой или это просто пошлая записка от злонамеренных людей?

Моя фея-крестная хватает бумагу, падает на стул и, хмурясь, изучает ее содержание. А потом бросает улику в огонь.

– Эй, это…

Я делаю паузу, потому что бумага неестественно быстро превращается в мелкие светящиеся точки, принимающие форму головы животного. Она выглядит как…

– Черт рогатый! – вопит фея, но мне так совсем не кажется. Мне эта голова больше напоминает морду лисы с нимбом. Но что бы это ни было, оно на мгновение вспыхивает, смотрит на нас и тут же исчезает.

Моя фея вскакивает с кресла, с удивительным хладнокровием и ловкостью перепрыгивает через Львиное Сердце и несется на кухню. Сначала мне хочется остаться с отрешенным видом сидеть в кресле, словно меня это совсем не обеспокоило, но любопытство подрывает мое достоинство. И вот я тоже вскакиваю и бегу следом.

– Что случилось? – спрашиваю я. – Что это была за лиса? И что она означает?

Моя фея выдергивает луковицу из связки на потолке, почти одновременно с этим роется в отделении для столовых приборов в поисках тесака и кричит:

– Куриное яйцо и яблоко – скорее!

Я подчиняюсь, хотя подозреваю, что моя фея ведет себя неразумно. В будущем мне следует отказывать ей в добавке «для души» к чаю. Как известно, это не делает людей более рациональными.

Тем временем моя фея находит большой нож и принимается кромсать им лук. Не могу на это смотреть, но она и в самом деле режет только лук, а не свои пальцы, и в конечном итоге у нее остается половинка луковицы, четверть луковицы и две восьмых части луковицы. Далее наступает очередь яблока.

– У нас есть рыбий глаз? – спрашивает она.

– В холодильном погребе, – говорю я. – В рыбьей голове.

– Принеси.

– Уверена?

Свирепый взгляд феи, треск, с которым тесак падает на разделочную доску, и две подскочившие в воздух половинки яблока заставляют меня поторопиться. И хотя в этот момент я серьезно считаю, что мои действия попахивают сумасшествием, все же вытаскиваю из бочки с кусками льда замороженную селедку и спешу обратно на кухню, где моя фея складывает части лука, разрубленное яблоко и яйцо вместе со скорлупой в котелок и заливает все это кружкой пива.

– Вообще-то это должна быть медовуха, но нам так быстро ее не раздобыть, – извиняющимся тоном поясняет она. – Давай помоги мне повесить котелок над огнем. Принесла рыбий глаз?

Я подаю ей мерзлую селедку, и она снова пускает свой тесак по воздуху и отрубает ей голову. Так быстро, что я едва успеваю разглядеть, как оставшаяся часть рыбы соскальзывает со столешницы и попадает в пасть скрывающегося внизу Гворрокко. Кот выглядит потрясенным, вероятно потому, что рыба примораживает ему язык, но это не мешает толстяку сбежать из кухни с добычей. Ведь уже бывало так, что я под угрозой сурового наказания вытаскивала из его рта самые лакомые кусочки.

Но сегодня я слишком зачарована действиями моей феи-крестной, чтобы отбирать селедку у Гворрокко. Вместо этого смотрю на пар, который постепенно начинает подниматься из котелка: кипящее пиво с луком, яблоками и яйцами – не самое гурманское сочетание, скажу я вам. А когда моя фея, поплевав на рыбью голову и нашептав над ней какие-то странные изречения, опускает ее в свой бульон, мне становится окончательно ясно, что в рот этот суп я не возьму. Ни капли!

Моя фея вытирает пот со лба.

– Фух! – выдыхает она. – Все, что можно было сделать, мы сделали. Остальное не в моей власти.

Варево в котле воняет просто невыносимо. Но все, что можно было сделать, мы сделали. Ясненько. Я тоже так думаю.

– А теперь? – спрашиваю я.

– Подождем, – отвечает моя фея.

– Чего?

– Ответа, конечно.

– Не могла бы ты, если тебя, конечно, не затруднит, выразиться таким образом, – говорю я так сдержанно, как только могу, – чтобы современный, совершенно обычный человек понял, что заставляет одержимую старинными историями и призраками травницу загрязнять кухню, делая вид, что решается вопрос жизни и смерти?

– Возможно, это была ложная тревога, – признается добрая фея.

Она скептически смотрит на котел над огнем. Он не взрывается, мы не слышим голосов из загробной жизни, а из куриного яйца в дьявольском бульоне не вылупляется дракон.

– Там! – вдруг восклицает она и хватает меня за руку так крепко, что я с трудом подавляю крик. – Ты его видишь?

Она указывает не на котел, а на сумеречный свет коридора, соединяющего кухню с салоном. Там что-то движется. Но что?

Моя фея производит ужасный шум, потому что в поисках чего-то подходящего опрокидывает башню из кастрюль. Я слышу это, но не могу повернуться и посмотреть на нее, потому что существо в коридоре постепенно возникает из темноты. Хочется верить, что это Гворрокко крадется обратно на кухню, но эта штука слишком большая, слишком тонкая и слишком тенистая. Это мог бы быть силуэт лисы, если бы не был таким худым, а его уши – слишком заостренными.

Тварь тянется к котлу. Она явно борется с этой тягой, но колдовские силы в вареве моей доброй феи сильнее, чем очертания тощей лисы. Тень все больше и больше вытягивается в длину и жутким образом ползет к очагу. И вдруг его втягивает прямо в нутро кипящего бульона! Раз – и его нет! Моя фея тут же нахлобучивает на котелок огромную крышку.

– Держи! – вопит она мне. – Оно не должно убежать!

Она выбегает из кухни, оставив меня наедине с дребезжащей крышкой под руками. Котелок гудит так, словно в нем бушует буря, и мне требуются обе руки и вся моя сила, чтобы держать крышку закрытой.

В какой-то момент ярость в котле начинает угасать. Крышка перестает шевелиться, внутри становится тихо. Через несколько минут фея возвращается на кухню и ногой толкает табуретку в сторону очага.

– Я потушила огонь в камине, – объясняет она мне, забираясь на табуретку. – Теперь мы можем рискнуть. Сдвинь крышку в сторону. Но только совсем чуть-чуть, чтобы могло выйти немного пара.

Ее голова высовывается из этого приподнятого положения над краем котла, и когда я следую ее распоряжению и немного отодвигаю крышку в сторону, она принюхивается к дымку, который поднимается из котелка. Вопреки моим ожиданиям, он воняет не луком, пивом и рыбой, а источает аромат леса и грибов. Вдохнув этот запах, вижу перед своим внутренним взором картину,

которая кажется мне такой реальной, будто эта сцена происходит где-то в другом месте.

Я смотрю на гостиную дома с низкими потолками: за столом сидят семь фигур – не выше детей, но со взрослыми лицами. На столе, свернувшись клубочком, лежит спящая лисица, ее шерсть слабо светится.

– Она вернулась! – восклицает карлик во главе стола. – Слишком рано.

Мех лисы внезапно перестает светиться, одновременно с этим образ в моем сознании темнеет и гаснет.

Я испытываю облегчение, потому что теперь все снова становится более или менее нормальным, за исключением феи, которая внезапно начинает хохотать как безумная.

– Фея? – озадаченно спрашиваю я, закрывая щель между котлом и крышкой. Приятный запах леса и грибов снова уступает место пронзительной рыбно-луково-пивной вони.

– Я хороша! – торжествующе кричит она. – Я о-о-очень хороша!

– В чем именно?

– Вот в этом, – поясняет она. – Это был опасный дух, который следовал за тобой по пятам, хотел повлиять на твою волю, загнать тебя в ад! Ну, или по крайней мере туда, откуда он пришел.

– В место с семью гномами?

Моя фея ошарашенно смотрит на меня.

– Откуда ты это узнала?

Я пожимаю плечами, но фея-крестная настолько вдохновлена своей способностью загонять духов обратно в ад, – и это несмотря на то, что у нее было только пиво, а не медовуха, – что мгновенно забывает о заданном вопросе.

– Мы должны разработать план битвы! – свирепо восклицает она. – Мы должны… должны… Ох, что-то мне совсем нехорошо.

Она спускается с табуретки и снова оказывается той маленькой фигуркой с поникшими плечами и слегка бегающим нервным взглядом, которая мне так знакома.

– Холодно, – шепчет она.

– Возвращайся в салон, – предлагаю ей я. – Завернись в одеяло у камина. Я принесу тебе чашку чая и капну туда кое-чего «для души», как только вылью этот отвратительный бульон в сад и открою все окна.

Она благодарно кивает.

– Да, звучит хорошо. Только… камин погас. Я ведь потушила огонь.

– Понимаю, – говорю я, хотя, в сущности, почти ничего не понимаю. Я могу связать между собой то, что огонь, в котором сгорело письмо, нужно было потушить, чтобы лисица окончательно потонула в нашем рыбном супе, но логическая связь всего этого ускользает от меня, и в конечном счете никакое объяснение в мире не меняет принципиального безумия всего происходящего.

– Клэри?

– Да, моя дорогая фея-крестная?

– Мы обязательно должны выяснить, кто эти гномы и что они замышляют. К сожалению, я понятия не имею, как нам это сделать.

– Ты думаешь, они задумали что-то плохое?

Она молчит, но испуганное выражение ее лица говорит о многом.

– Возможно, нам поможет Испе?р? Когда приедет в следующий раз.

Моя фея качает головой.

– Почему нет?

– Это дело касается духов и призраков. Нынешние волшебники ничего в этом не понимают.

– А кто тогда понимает?

– Моя бабушка знала в этом толк. Но до своей смерти она успела обучить меня малой части того, что знала. Кроме нее, был еще один сумасшедший мельник, но он тоже давно мертв.

– То есть ты – единственная, кто что-то понимает в этой области?

– Единственная, кого я знаю.

– Но где-то ведь должны быть книги или свитки, в которых старожилы нашей родины описывали старые поверья.

– Древние поверья передавались устно, – объясняет моя добрая фея. – Записывать секреты и тайны было нельзя. Они передавались в сказаниях и песнях, которым матери учили своих дочерей.

– Под этим ты подразумеваешь истории о туманных нимфах, Богах природы и подданных Короля-Призрака?

– И их тоже. Но настоящее знание намного сложнее. Оно находится в крови и должно быть разбужено, как разбудила его во мне моя бабушка. К сожалению, большая часть этой крови вымерла.

– О, ну хватит уже этих высокопарных речей о крови. Разве ты не можешь просто задать бабушке вопрос? Ты всегда убеждаешь меня, что нужно говорить с духами мертвых.

– Хм, да.

– Что да?

– Нужно, но поговорить с бабушкой мне еще не удавалось никогда.

Тот триумфальный всплеск восторга, который пять минут назад поверг мою фею-крестную в экстаз, прошел. Удрученная, без сил, она плетется прочь из кухни.

Какое-то время я нерешительно стою на одном месте и только тогда замечаю дрожь в теле. Что, черт возьми, делали эти гномы? Что они собирались сделать со мной? Словно все несчастье заключается в бульоне в котле, я в гневе тащу его в ночной сад и выливаю беду в снег. Затем проветриваю кухню, укрываю свою фею, заснувшую перед холодным камином, вторым одеялом и поднимаюсь в свою комнату в башне.

В моей башенной комнате больше нет сквозняков и сырости, как год назад. Плотники отремонтировали крышу, а небольшая печка гарантирует, что у меня изо рта при дыхании не будут появляться клубы пара. Пушистый коврик у кровати льнет к моим босым ногам, подушки и одеяла в постели – мягче некуда.

В слабом мерцании свечи распускаю свои каштановые волосы, которые стали более гладкими и сияющими, потому что я регулярно расчесываю их и даже, можно сказать, достойно укладываю. Причесывая свои локоны, я смотрю в зеркало в поисках ответов на самые насущные вопросы. Но отражение в зеркале отвечает мне только на один из них: «Ты должна срочно прекратить роман между Каниклой и ее поваром! Потому что, если и дальше продолжишь запихивать в себя столько фирменных пряников, сколько съела за последние две недели, вместо лунного лица получишь лицо в виде воздушного шара!»

Я смотрю на свое отражение. Да, теперь на моих ребрах куда больше плоти, нежели тогда, когда я познакомилась с Испе?ром. Но это хорошо. Раньше я слишком много работала и слишком мало ела. Следы, которые оставил на мне наш новый скромный достаток, заставляют меня выглядеть здоровее.

Мое лицо круглое от природы независимо от того, как много или как мало я ем, а поскольку кожа у меня очень светлая, Испе?р предпочитает называть меня Лунолицей. Он утверждает, что это неуклюжее выражение его глубочайшего восхищения, но мы оба знаем: такое сомнительное прозвище проистекает из его

склонности раздражать меня, заставляя кровь приливать к моим щекам и губам.

Эмоции всякого рода делают меня красивее. Неважно, сердита я или влюблена, мои золотисто-карие глаза начинают светиться, а губы становятся темно-красными. В такие моменты я наиболее уподобляюсь девушке, которая раньше всегда навещала меня и которая, как я теперь знаю, была моей матерью. Эта внутренняя живая пульсация, иногда захватывающая меня, постоянно жила в моей матери, которая в то же время излучала глубочайшее спокойствие.

Какие бы мрачные древние истории мама мне ни рассказывала, она всегда делала это с почти невидимой улыбкой на лице. Она знала, что такое счастье, хотя в глазах большинства людей ее жизнь, должно быть, была сплошным несчастьем. Она была слишком молода для работы, которой зарабатывала на жизнь, слишком молода, чтобы стать матерью, и слишком молода для смерти и зимы, которая забрала ее до того, как мне исполнилось шесть. И все же у меня никогда не возникало ощущение, что она видит себя такой. Таинственный покой наполнял ее, который, вероятно, может понять только тот, кто нашел его. Да, я вижу ее, когда смотрю в зеркало. Но я – не она.

– Если бы ты только объяснила мне то, что я должна знать, – говорю я отражению. – Кто мой настоящий отец и о чем говорят старые истории.

Мое отражение, ясное дело, молчит.

– Знаешь, – говорю я, – мне все равно, знают люди в Толовисе о женитьбе Испе?ра или нет. Я не планирую когда-либо там появляться. Но мне не нравится, что Вип так сочувственно смотрит на меня, когда говорит об этом. Его жалость так снисходительна, словно он внезапно оказался на три ступени выше меня на лестнице жизни! Конечно, меня удивляет и то, что Испе?р отрекся от меня. Знаю, что на это у него будет причина. Какая-нибудь да будет. У него так много причин для разного рода вещей, о которых он не хочет мне рассказывать. Я вышла замуж за незнакомца. Но как ни странно, я ни чуточки не сомневаюсь, что этот незнакомец меня любит.

Я киваю своему отражению в зеркале.

– Спасибо за разговор, – говорю я. – Теперь мне гораздо лучше. Спокойной ночи, мама!

И пока я раздеваюсь, гашу свечу и забираюсь под свои мягкие одеяла, в очередной раз поражаюсь тому, что моя фея оказалась права в этом вопросе: сколько раз она внушала мне, что я должна поговорить с матерью. С духом моей мамы, что бы это ни значило. Я долго противилась, но теперь это вошло в привычку. И в такие дни, как сегодня, эта привычка указывает мне путь.

Глава 3

На дворе стоит кромешная темнота, когда мой сон прерывается громким визгом. Вскоре после этого тяжелое тело с грохотом ударяется о крышу над моей головой, и звук когтей линдворма, цепляющегося за черепицу, скрежещет в моих ушах. В тот же миг штормовой ветер освобождает оконные ставни от задвижки и с размаху швыряет их о стену.

Я вскакиваю с кровати и несусь к окну своей башенной комнаты. От страха за Львиное Сердце дрожат пальцы, и мне требуется некоторое время, чтобы открыть окно и выглянуть наружу. Снаружи снег густыми хлопьями все кружится вокруг дома, и я почти ничего не могу разглядеть в ночной темноте. Порыв штормового ветра врезается мне в лицо, я слышу шум кожистых крыльев и вижу два тяжелых тела, которые скользят в ночи рядом друг с другом.

Судя по звукам, они удаляются. Я немного успокаиваюсь, поскольку Львиное Сердце еще может летать. Линдвормы часто теряют рассудок, когда встречаются со своими незнакомыми сородичами. Тогда они бросаются в невероятно дикие схватки за территорию, как будто завтра уже не настанет. Я понятия не имею, откуда здесь среди ночи появился второй линдворм и заслужил ли он, чтобы его приняли подобным образом, но Львиное Сердце явно считает, что должен защитить дом и его владельцев от злоумышленника.

Я быстро одеваюсь и бегу вниз, на первый этаж, к единственному балкону, которым оснащен наш дом. Вооружившись лампой, выхожу в метель, топаю к балконному ограждению и прислушиваюсь. Тихое гудение возвещает о возвращении сражающихся линдвормов. Быстрее, чем я успеваю среагировать, два продолговатых тела – золотое и черное – устремляются навстречу моему фонарю, вблизи от меня разворачиваются и улетают прочь. К сожалению, у этих

драконообразных существ очень длинные хвосты, а Львиное Сердце, которого преследует этот черный ублюдок, немного раскоординирован. Его хвост в последний момент делает резкий рывок и перебрасывает меня через перила балкона. Я даже не могу вскрикнуть – настолько я растеряна, когда лечу вниз.

С глухим звуком падаю в снег. К счастью, снежные наносы ослабляют удар, но сотрясение все равно настолько сильное, что на мгновение яркая серость внутри черепа ослепляет меня. На несколько секунд все тело словно немеет, затем ощущения возвращаются, и я чувствую чьи-то прикосновения к моим пальцам.

Кто-то взял меня за руку и держит.

– Надеюсь, ты цела, – льется мне прямо в ухо нежный голос. – И если это так, ты должна мне кое-что объяснить.

Этот голос я узнаю всегда и везде. Даже сейчас, в состоянии острого замешательства и оцепенения, ослабевшая часть меня изо всех сил цепляется за ощущения, которые вызывает во мне этот голос.

– Да? – бормочу я, с трудом пытаясь открыть глаза. – Что я должна тебе объяснить?

– Я со вчерашнего полудня иду по следу опасного колдуна, и он заканчивается именно здесь, в твоем саду. И только я собираюсь разобраться в этой странности, как меня чуть не убивает моя супруга, совершенно внезапно выпадающая из окна.

– С балкона, – поправляю я его. – Это был… балкон.

Наконец, веки подчиняются мне, и я разлепляю глаза. Тем не менее все, что я вижу, – это дикий танец белых точек, освещенных слабым светом, которым Испе?р разгоняет тьму этой ночи. Я крепче хватаюсь за руку, сжимающую мои пальцы.

– Испе?р?

– Да, любовь моя?

– Ты и правда здесь? Потому что преследовал колдуна?

– К сожалению, да, – говорит он, осторожно подхватывает меня на руки и тянет к себе. Мои ребра протестуют, каждый вдох отдается болью. Но едва – с его помощью – мне удается сесть, Испе?р заключает меня в свои объятия, и утешительное тепло, исходящее от его груди, окутывает меня.

– Нам нужно поговорить, Клэри, – говорит он, тем самым разрушая мой покой. – Враг, видимо, знает, где ты живешь.

Но я не успеваю ничего ответить, потому что в воздухе снова раздается знакомое жужжание. Поднимается ветер, который свистит в ушах, и вот уже два линдворма приземляются на снег – визжащие, вцепившиеся друг в друга двулапые драконы.

– Тихо! – властно кричит Испе?р, и один из линдвормов замолкает. Львиное Сердце воспитан не так хорошо. Он злоупотребляет послушанием противника для плевка, который достается не только его черному сопернику, но и мне с Испе?ром. Потом, словно напуганный своей смелой атакой, Львиное Сердце взлетает и спасается в своем укрытии на крыше дома. После этого становится удивительно тихо.

– С каких это пор у тебя есть линдворм? – спрашиваю я.

– Онклидамия принадлежит моему брату. На Перисала напали. Его ранили вчера в полдень, и тогда я позаимствовал его линдворма, чтобы начать преследование убийцы. Я летел до вечера и почти всю ночь только для того, чтобы обнаружить, что враг исчез именно здесь.

– Как дела у твоего брата?

– Он, к счастью, легко отделался. Его рана не опасна для жизни и хорошо заживает. Но сейчас ему нужно поберечь себя. В ближайшие несколько недель я должен буду его заменять.

– Понимаю, – говорю я. – Значит, тебе снова придется уйти, и ты не сможешь отпраздновать с нами Самую Длинную Ночь?

– Да, и это прискорбно. Но меня больше беспокоит угроза, исходящая от нашего врага.

В голосе Испе?ра отчетливо слышна серьезность. Поэтому я умолкаю и отрываю лицо от его утешающей груди. Он помогает мне подняться на ноги. Они все еще дрожат, но в остальном понимаю, что довольно хорошо перенесла эту аварийную посадку. Мы вместе идем к входной двери, что непросто из-за глубоких сугробов, и все время, пока мы тащимся по снегу, я держу его руку, такую же холодную и мокрую, как и моя.

Черный линдворм бодро семенит следом. Один раз я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на животное, и дракониха быстро втягивает голову назад. Должна быть, она незаметно меня обнюхивала. Этот зверь невероятно красив: в слабом свете, который благодаря Испе?ру плывет над нами, я вижу, как блестят его черные чешуйки, а глаза сверкают ледяной синевой. Будь я Львиным Сердцем, без памяти влюбилась бы в нее.

Когда мы огибаем дом, свет Испе?ра влетает внутрь фонаря, освещающего подъездную дорожку зимними вечерами, и зажигает в нем теплое золотистое пламя. И тут то нереальное чувство, что преследовало меня все это время с момента падения, прекращается. Ребрам тоже становится лучше. Дышать уже почти не больно.

Я поворачиваюсь к Испе?ру. Теперь я вижу его совершенно отчетливо. Как и всегда, когда мы вновь встречаемся после долгой разлуки, я ищу в его лице то знакомое, что заставляет меня почувствовать нашу связь. Но как и каждый раз сталкиваюсь с загадками и головоломками. Правда, в моем присутствии он больше не скрывает своих глаз за маскировочными заклинаниями, и поэтому я могу распознать их естественный мрачно-голубой цвет, но кто на меня смотрит? Хотелось бы знать.

Если я что и узнала за несколько совместных дней нашего брака, так это то, что младший сын императора хранит много секретов и, в принципе, не слишком счастлив. Его настроение улучшается, когда видит меня, и – поскольку ему не хочется портить эти, по-видимому, довольно редкие моменты счастья, – он отвечает молчанием, как только я спрашиваю у него, что вызывает беспокойство. Испе?р не хочет говорить об этом. Он хочет избежать этих забот всякий раз, когда он со мной.

Возможно, он озабочен тем, что, будучи маленьким мальчиком, был схвачен убийцами, которые хотели лишить жизни первенца императора. Они ошиблись: напали не на того мальчика, и это до сих пор меня удивляет. Конечно, Испе?р в то время был очень похож на своего брата-близнеца Перисала, но, если бы я была кровожадным преступником и знала об этой трудности, перестраховалась бы. С другой стороны – что я знаю о безумцах, которые хотят убивать невинных детей? Подобные деяния для меня навсегда останутся непостижимыми.

Испе?р едва выжил. Выздоровление длилось целых полгода, и даже если он всегда уверяет меня, что хорошо перенес это нападение и что два шрама, которые носит с тех пор на лице (вместе с несколькими другими по всему телу), его не беспокоят, у меня сложилось впечатление, что в тот день Испе?р изменился – и это сказалось на нем не самым лучшим образом.

Он склонен скрывать свои истинные мысли и привык обманывать окружающих с помощью маскировочных заклинаний. Он борется с собой и не хочет посвящать в это никого, в том числе и меня. Да что уж говорить: он даже отрицает, что вообще это делает. Но я чувствую это, когда мы сближаемся. Если он забывает защититься и на короткое время остается самим собой, а не сыном императора, я замечаю внутри него нечто вроде обиды и ощущение бессилия.

Тень этого чувства ощущается и сейчас, хотя он улыбается мне: лицо усыпано веснушками, которые на его лице совсем не выглядят милыми. Волосы он собрал в косу, чтобы никто не мог видеть его локоны, которые в противном случае очаровательно обвивались бы вокруг его прекрасного лица. У них тот же темно-золотистый цвет, что и у яблочных леденцов «Кани», которые королевский повар придумал для Каниклы. Только у меня есть привилегия время от времени перебирать эти завитки руками. От остального мира он их скрывает, вероятно потому, что с ними он выглядит чересчур миловидно. В конце концов, сыновья императора должны выглядеть устрашающими волшебниками, поэтому два шрама очень хорошо вписываются в картину. Интересно, чем Перисал компенсирует отсутствие рубцов. Я еще никогда не встречала это невредимое изображение Испе?ра.

– Вип сказал мне сегодня, что ты отрекся от меня, – говорю я ему прямо в лицо. Я хочу покончить с этой неприятной темой прежде, чем поцелую его. – Никто в Толовисе не слышал о Клэри Фарнфли. И об Амберлинге – тоже.

– Об Амберлинге наверняка слышали, но позже название было забыто, как и названия других маленьких королевств, которые мой отец аннексировал в прошлом году. Что касается Клэри Фарнфли, то с ней дело обстоит несколько иначе. Моя семья решила не предавать огласке эту часть моей жизни. Я согласился, потому что для тебя так безопаснее.

– Какая чуткая предусмотрительность.

– Мой брат мог умереть сегодня, – говорит Испе?р. – Может быть, люди, стоящие за этим, попробуют еще раз. А поскольку наш враг появился здесь и, следовательно, знает о нашей связи, то может напасть и на тебя.

– Наш враг! – повторяю я. – О, как я люблю эту таинственную угрозу, которая впервые возникла через три дня после нашей свадьбы и с тех пор не дает никакого покоя нашему могущественному императору!

Где-то над нашими головами распахиваются створки окна.

– Золушка? – резким голосом вопрошает Этци. – Чем бы ты там снаружи ни занималась, могу я попросить тебя делать это тихо, чтобы другие люди могли спать? Завтра нас навестит барон! Я не могу позволить себе выглядеть за завтраком как больная сова.

– Извини! – кричу я в ответ. – Но барон вообще не станет на тебя смотреть.

– С чего бы это?

– С того, что приехал Испе?р, – объясняю я. – Твой барон будет смотреть только на сына императора, ты же знаешь, как жаден он до голубой крови, будто вампир!

– Не говори о нем так!

– Жадный до голубой крови вампир? – повторяет Испе?р.

– Ну, так я называю нового поклонника Этци, – рассказываю я. – Он одержим коронованными особами и, уверена, с удовольствием высосал бы всю твою

имперскую голубую кровь. Но поскольку барон также является экспертом в области самоконтроля, он будет лишь жадно гипнотизировать тебя взглядом и расскажет такие истории о твоих предках, каких ты никогда раньше не слышал.

– А зачем мне терпеть все это?

– Потому что ты – часть семьи, а барон в данный момент – великая любовь Этцисанды. Мне очень жаль, мой принц, но здесь, в Амберлинге, нельзя притвориться, что ты не женат.

Он усмехается.

– Надолго ты собираешься остаться? – спрашиваю я.

– Пока не изучу следы, которые привели меня сюда, – говорит он. – Я уже начинаю опасаться, что между появлением врага и нашим браком существует какая-то связь.

– Только начинаешь?

– Мой отец не придумывал врага, чтобы нас рассорить. Теперь, когда Пери ранен, стало понятно, что мы имеем дело с реальной опасностью. Все восстания и войны, которые держат меня вдалеке от тебя, исходят от людей, которые раньше жили скрытно, мирно и незаметно. Проблемы доставляют не внешние, а внутренние границы Империи. Они пронизывают все провинции. В каждом глубоком колодце, в каждом недоступном лесу, на каждом древнем перекрестке силы почти забытого времени собираются и разносят свои несчастья. Они разрушают все на своем пути, отравляют умы людей. В результате – беспорядки и восстания. И только одна провинция остается спокойной, несмотря на то, что здесь находятся самые глубокие колодцы и самые древние леса.

– Ты говоришь об Амберлинге.

Он медленно кивает.

– Точно. В Амберлинге – никаких восстаний, никаких странных происшествий, никаких публичных выступлений против императора. Здесь мирно.

Подозрительно мирно. Сегодня я преследовал колдуна, который творит магию древним образом – о нем мало кому известно. Я мог только чувствовать его силу, но не видеть. Я шел за ним, сосредоточившись на волнении, которое он оставлял на своем пути. Догонял, становился все ближе и ближе к силе, был уверен, что смогу добраться до ее источника. Но как только приземлился в вашем саду, след исчез, растворился в воздухе. Сила улетучилась или воспользовалась лазейкой.

– Что еще за лазейка?

– Небольшой разрыв во времени и пространстве, который связывает нас с Царством призраков.

– Царство призраков? Я думала, только моя фея-крестная верит в этот фокус-покус.

– Мне определенно нужно с ней поговорить. Прошлое догоняет нас, и ничего хорошего из этого не выйдет.

Холодные снежинки падают на мое лицо. Сейчас середина ночи, и мне хочется, чтобы мы могли просто зайти внутрь и до самого рассвета забыть обо всех войнах и призраках. Но есть еще кое-что, о чем я должна рассказать Испе?ру.

– К слову о подозрительных происшествиях: сегодня моя фея прогнала лиса-призрака, который преследовал меня. Он прибыл сюда с письмом, которое я нашла в кормушке.

– Призрак лисы явился сюда с письмом? – спрашивает Испе?р.

– Да, мы увидели его, когда фея-крестная сожгла письмо в камине. Она тут же метнулась на кухню и приготовила странный бульон, чтобы заманить тень лисы в котел. Когда та оказалась внутри, фея потушила огонь в камине, и после этого все успокоилось.

Испе?р смотрит на меня так, будто у меня не все дома. Я открываю рот, чтобы более подробно объяснить ему последовательность событий, но он меня опережает:

– Где? – спрашивает он. – Где котел?

– На кухне. Я вычистила его.

– А то, что было внутри?

Испе?р выглядит таким встревоженным, что я, опасаясь, что совершила ошибку, робко указываю в сторону кухонной двери. Он может только догадываться, что я имею в виду, но уже пробирается по глубокому снегу, пока не оказывается в том месте, где летом растет травяной сад. Испе?р останавливается перед ямой в снегу.

– Этого я и боялся, – говорит он. Я слежу за светом, который он создает своей рукой и вижу: там, куда я вылила отвар, в земле образовался небольшой кратер, в котором собирается талая вода.

– Я сделала что-то не так?

– Нет, – говорит он и поворачивается ко мне. – Напротив, ты все сделала правильно, но это именно то, что я думаю. Я не эксперт в древней магии, но по запаху могу сказать, что здесь рассеялось мощное заклинание. Что было написано в письме? Надеюсь, вы прочитали его прежде, чем бросать в огонь?

– Совершеннейшая чепуха, – отвечаю я. – Что-то начинается и что я должна быть готова. Но тот, кто написал письмо, знал, кем была моя мать. И это действительно обеспокоило меня.

– Почему ты думаешь, что он это знал?

– Он назвал меня дочерью нечестивой.

– Под этим подразумевалась не твоя мать, Клэри. Твоя мать, возможно, не была святой, но в данном случае подразумевается воплощение древних сил, которые все еще ходят в человеческом мире. Мы думали, что они умерли или ушли. Но сейчас они возвращаются. Пробуждаются. В древние времена их почитали святыми, но мой отец любит называть их нечестивыми. Потому что они приносят только зло и ничего больше.

Я понимаю, что в письме меня назвали дочерью тех, кто якобы приносит только зло, но не могу увязать одно с другим. Особенно сейчас, посреди ночи.

– Пойдем спать? – с надеждой спрашиваю я.

– К сожалению, нет. Я должен идти.

– Ты шутишь!

– Увидимся за завтраком.

Он наклоняется и целует меня, что ненадолго компенсирует мое огорчение. Я почти забыла, что его поцелуи творят с моим телом. Как чудодейственный эликсир, насыщенный эйфорией, моя кровь внезапно пускается по венам и воспламеняет мое сердце. Но радость длится недолго. Я едва вспоминаю, каков на вкус и ощупь незнакомец, за которого я вышла замуж, когда он снова отпускает меня.

– До завтра, – говорит он. – Спокойной ночи, моя Лунолицая!

Он подзывает дракониху, голова которой исчезла в кратере от дьявольского отвара. Ее голубые глаза призывно светятся, когда она появляется с двумя червями в пасти, которых нашла в земле. Едва Испе?р взбирается ей на спину, как она резко взлетает и с порывом ветра уносит моего супруга прочь.

Тишина, оставленная после них, пахнет сладким ледяным кофе.

Глава 4

Когда на следующее утро выглядываю из своей башенной комнаты в сад, я вижу, что снег, наконец, перестал идти: небо безоблачно, а восходящее солнце заливает снежный пейзаж персиковым светом. Я высовываюсь из окна и уже собираюсь сделать глубокий вдох, как обнаруживаю на улице солдат. От испуга забываю про воздух: трое мужчин в униформе сидят на лошадях, еще пятеро стоят в карауле у ворот нашего сада. Мой взгляд блуждает вдоль садового

забора, где я вижу еще семерых стражников. Этот проклятый Испе?р – как он смеет превращать мой дом в осажденную крепость?

По крайней мере, у него хватает приличия размещать солдат за воротами, а не в моем саду. Гнев, который на мгновение вспыхивает во мне, быстро утихает, потому что одна только мысль об Испе?ре наполняет меня предвкушением. К тому же я слышу колокольчики, объявляющие о прибытии королевских кухонных пони. Вот уже целую неделю первый повар короля отправляет на санях поваренка, чтобы тот мог доставить к нашему завтраку очередное восхитительное творение, созданное в честь Каниклы. Сани с пухлыми толстокожими пони только что остановились перед воротами, и поваренок выбирается из них. Но когда он пытается пройти через ворота, солдаты преграждают ему путь. Да не может быть!

К счастью, несколько часов назад я легла в кровать полностью одетой, поэтому все, что мне теперь нужно сделать – это причесаться и ополоснуть лицо над фарфоровой чашей, прежде чем покинуть башенную комнату и сбежать по многочисленным ступеням, которые приводят меня в холл нашего дома.

Рвение, с которым я собираюсь в ярости наброситься на солдат, оказывается излишним. Ах да, у меня же есть добрая фея, которая забыла, что у нее на другом конце города имеется собственное жилье. Она уже там, и я слышу, как она указывает солдатам на их место. Солдаты не очень-то впечатлены этим, насколько я могу судить из уборной, но моя фея все же отвоевывает драгоценную корзину поваренка, что самое главное, и вскоре после этого с раскрасневшимися щеками врывается в дом. Я выхожу из комнаты и следую за феей в столовую, где она выкладывает ароматные невесомые шарики из корзины на большую тарелку.

– Держу пари, они даже лучше вчерашних миндальных булочек! – восхищенно восклицаю я, протягивая руку к одной из круглых свежеиспеченных штуковин. Фея-крестная отводит мою руку в сторону и сверлит меня мрачным взглядом.

– Что ты ему рассказала? – спрашивает она.

– А? Кому?

Запах, проникающий в мои ноздри, парализует разум. Она о поваренке? Ну, ему я не говорила ничего, кроме «Спасибо!» и «Передавай привет повару!».

– Испе?ру! – шипит моя фея. – Солдат там, снаружи, на удивление хорошо осведомлен.

– О чем?

– О том известии, которое ты получила вчера, и о злом духе, которого мы изгнали.

Моя добрая фея смотрит на меня так, будто я совершила государственную измену.

– Я не знала, что это секрет.

Она закатывает глаза.

– Клянусь всеми духами и богами – это дела древней веры! И они ни в малейшей степени не касаются императора.

В этот момент раздаются определенные звуки, по которым мы понимаем, что мои сестры спускаются с лестницы. Нервное высокопарное «клик-клак», исходящее от каблуков Этцисанды, и тяжелое, уютное «бум-бум», производимое шагами Каниклы. А еще шелест тафты и шелка.

– Быстрее, – торопит Этци сестру. – Давай-давай. Только представь, как это будет выглядеть, если барон придет, а ты еще не уселась за стол.

– Нужно было разбудить меня раньше.

– Я будила. Примерно раз пять!

– Правда? – спрашивает Каникла. – О, ты только понюхай! Этот аромат!.. Умираю с голоду.

Бум-бум-бум! Со скоростью, которой посторонний человек никогда бы не заподозрил в моей почти шарообразной сестре, Каникла пробегает мимо Этци и первой достигает комнаты для завтрака.

– Вы уже пробовали? – спрашивает она, указывая пальцем на тарелку со свежей выпечкой.

– Нет, – отвечает моя фея. – Попробуют, когда усядутся за стол и ни секундой раньше. Сколько еще раз мне нужно это повторять? Клэри, вода должна была уже вскипеть. Не будешь ли ты так добра?.. Прошу тебя.

Я неохотно расстаюсь со столом для завтрака, но мне некого винить, кроме себя. Сестры и фея-крестная постоянно твердят мне, что нам нужно больше персонала, что, в принципе, верно. Тем не менее, я с неохотой нанимаю горничных, садовников и поваров чаще чем на несколько часов. Этот дом – мое королевство. Я знаю здесь каждую мышку, паука и пылинку. Может, я и замужем за сыном императора, но все равно хочу управлять своим хозяйством самостоятельно. Моя фея называет это блажью. Я – самоопределением.

Поэтому я иду на кухню, где моя фея, к счастью, уже все подготовила. Заливаю горячей водой чайные листья, а также порошок какао-мокко под названием «мокколатль», который сейчас в Толовисе якобы является последним писком моды и который источает ароматы корицы, мускатного ореха и перца. Каждый раз у меня от него учащается сердцебиение. Сегодня я предпочту чай, потому что солдаты перед домом и так достаточно меня взволновали.

Когда я захожу в комнату для завтрака с подносом, мое сердце переполняется счастьем. Раньше, когда мачеха была жива, этим помещением пользовались исключительно во время визитов таких высокопоставленных людей, как мэр или знатные гости. Я заходила туда только чтобы подмести, вытереть пыль или вымыть полы, но всегда с наслаждением выполняла эту работу, потому что огромные окна, высотой от пола до потолка, открывали живописный вид на улицу.

Мне было невдомек, почему наши знатные посетители должны наслаждаться этим видом, а мы сами – нет. Поэтому после смерти моей мачехи мы превратили эту комнату в столовую. В такие дни, как сегодня, когда небо ясное и за стеклами окон вздымаются горы, похожие на груды сахарной пудры, здесь

потрясающе красиво. Воздух мерцает чистотой и покоем. Я ставлю поднос и благодарно опускаюсь на свой стул.

– Воздушные пончики для моей сладкой искусительницы! – с порозовевшими щеками читает Каникла открытку, которой королевский повар сопроводил свое подношение. – Твой Берт.

– На завтрак такое не едят, – заявляет Этци, с нескрываемым раздражением наблюдая, как все мы жадно запускаем руки в тарелку – я, моя фея и Каникла.

– Сегодня после обеда уже ничего не останется, – логически заключает Каникла. – Значит, их необходимо съесть за завтраком. Бери!

Но Этци не берет пончик – она гладит хорька Наташу, которая извивается у нее на коленях, и тренируется сидеть неподвижно. Она ждет своего поклонника, барона фон Хёка, и таким образом готовится к тайному состязанию, в котором они всегда противостоят друг другу. Соревнование под названием «Кто проглотил самую длинную палку?», и следующий этап Этци, по-видимому, собирается выиграть.

– Вкусно, – стонет моя фея после первого укуса. – Просто песня!

Этци качает головой, ровно с тем диапазоном, которого позволяет добиться радиус движения ее палки.

– Песня – это стихотворно-музыкальное откровение, а не жирный комок масла и муки! Неужели я единственная в этом доме, кто отказывается от соблазнов быстрого, но вредного наслаждения?

Клубничная глазурь пончика тает на моих губах, оставляя сладко-фруктовое послевкусие. Зубы не встречают сопротивления, мягкая выпечка распадается на языке, пока я неожиданно не наталкиваюсь на твердую марципановую сердцевину, которая чувственно крошится, источая ароматы ванили, рома и абрикоса.

Нет, я не могу отказаться от этого вредного наслаждения. Как только последний кусок пончика тает у меня во рту, мне непреодолимо хочется следующего.

Дверной колокольчик звенит с безжалостной твердостью и последовательностью барона фон Хёка, но мои пальцы уже непоколебимо сжимают еще один пончик.

– Звонят! – говорит Этци так громко, будто я глухая.

– Я ем, – отвечаю я. – Можешь открыть ему сама, я не твоя прислуга.

– И как это будет выглядеть? – спрашивает Этци. – Почему бы тебе, наконец, не позволить Испе?ру нанять для нас больше персонала? Совершенно неуместно дочери дома открывать дверь.

– Я не хочу, чтобы в доме были посторонние люди.

Колокольчик звенит снова. На этот раз – нетерпеливо, но мне-то что до этого? Я в торжествующем неведении наслаждаюсь вторым пончиком. Каждая минута, в течение которой мне не приходится терпеть рядом странное создание знатного рода из далекой страны, оборачивается временем обретенного счастья. Этци замечает мое упрямство и обращается к моей фее.

– Моя дорогая, может быть, ты могла бы?..

– В прошлый раз он называл меня крестьянской бродяжкой, – обиженно заявляет фея.

– Потому что ты села на его шляпу и тем самым привела ее в абсолютную негодность. Эта шляпа была изготовлена на заказ! В самом Толовисе!

– Тогда он не должен был класть ее на мою табуретку в гардеробе. Я всегда надеваю там свои зимние сапоги.

Звонок раздается в третий раз, и меня охватывает тайная надежда, что барон сдастся и уйдет. Этци, вероятно, думает о том же. Потому что вмиг забывает о своей образцовой позе прямой палки, вскакивает и несется к двери.

– Жаль, – говорит моя добрая фея.

– Не волнуйся, – с набитым ртом выговаривает Каникла. – Он не захочет есть. Он никогда ничего не ест! Так что нам останется достаточно.

Через несколько минут до моего слуха доносится голос барона.

– Это правда? – взволнованно спрашивает он. – Его Высочество пребывает здесь, в доме? Мне сказали, что меры предосторожности были организованы лично принцем Испе?ром!

– Может, он еще придет, – слышим мы слова Этци. – Сегодня ночью он, во всяком случае, был в саду и устроил вместе с Клэри ужасный переполох, который прервал мой сон. Сегодня утром я сама не своя.

– Бедная милая Этцисанда! Будьте уверены, ни одна птичка не может похвастаться такой элегантной бледностью, коей обладаете вы.

Мы с феей обмениваемся взглядами в единодушном презрении. Бледная птичка! Если бы проводилось соревнование по изобретению неудачных метафор, то барон фон Хёк стал бы главным претендентом на приз в виде завязанного узлом золотого языка.

Под руку с Этцисандой усатый шепелявый барон с крючковатым носом и бакенбардами входит в нашу уютную столовую с грацией марионетки. На нем – псевдоуниформа попугайской расцветки; о-образные ноги спотыкаются в сапогах на каблуках, заостренных настолько, что, они, боюсь, могут испортить наш старинный ковер с симпатичным узором в виде белок.

– Да-а-а-амы? – тянет он, кланяясь лишь намеком, потому что иначе проглоченная им палка разлетелась бы в щепки.

– Доброе утро, сударь, – бодро отвечает Каникла с половинкой пончика во рту. Клубничная глазурь придает ее губам розовый блеск. У того, кто не растает при виде ее блестящих глаз, сердце, должно быть, вылеплено из камня.

– Что ж, – говорит барон фон Хёк, – чтобы назвать это утро хорошим, нужно обладать преступной наивностью, моя дорогая. На улице невозможное количество снега, и если бы волны моего сердцебиения не бушевали и не

разбивались о возможность видеть лик прекрасной Этцисанды, мое возмущение перед лицом новых снегопадов привязало бы меня к домашним обязанностям. Но я бежал, чтобы страдать, потому что… – он глубоко вздыхает, – в глубине страданий зреет любовь к сладострастию!

Последнюю фразу Этци и барон произносят одновременно. Оба питают глубокое почтение к поэту Ба?ндиту Боргеру Шелли и очень часто цитируют его хором, что всегда вызывает во мне смутное чувство отчаяния, ибо в такие моменты я понимаю, что не могу предотвратить декламацию, даже если спонтанно заткну кому-то из них рот.

Каникла рукоплещет.

– Страданий глубокая сладость, – повторяет она, не совсем близко к оригиналу, и тянется за следующим воздушным пончиком. – Как поэтично.

– Я слышал, – поворачивается ко мне барон, – что Его Высочество принц Испе?р облагородил ночные тени Амберлинга своим внезапным появлением?

– В этом отношении ночные тени оказались счастливее, чем наша компания за завтраком, – отвечаю я. – Потому что Испе?р исчез столь же внезапно, как и прибыл сюда. Он хотел вернуться сегодня утром, но, видно, не успел, потому что сначала ему потребовалось собрать армию, которая ограждает наш дом от всего остального мира.

– Чистая предосторожность, – поддерживает барон моего супруга. – Господа у садовых ворот сообщили, что было совершено нападение на наследника имперского престола.

Этци от ужаса тихо вскрикивает и подносит обе руки с зажатой в них салфеткой ко рту, и хорек Наташа использует эту возможность, чтобы сбежать. Она бесцеремонно несется через стол с завтраком, сбивает крышку с сахарницы, обмакивает хвост в варенье и, используя плечо барона в качестве трамплина, перелетает на канделябр, который принимается яростно раскачиваться взад и вперед над нашими головами. Красное варенье капает на чайник. Потрясенная, Этци опускает салфетку на колени.

– Это и в самом деле шокирующая новость, – говорит барон, тактично переступая с ноги на ногу. – А потому я благодарен за то, что император так благородно и услужливо защищает дорогие для себя родственные сердца.

Моя добрая фея бросает на меня вопросительный взгляд. Этци никогда не упоминала при бароне о том, как сильно император ненавидит эти дорогие родственные сердца? Я незаметно пожимаю плечами.

– Как поживает принц Перисал? – спрашивает Каникла. – Он был ранен?

– Да, – отвечаю я. – Но Испе?р говорит, что он скоро пойдет на поправку.

– И кто хотел его убить?

Я колеблюсь, потому что моя добрая фея бросает на меня предостерегающий взгляд. Видимо, мне не стоит рассказывать то, что я знаю о враге. Не то чтобы я действительно что-то знала, но моя фея, похоже, подозревает о существовании связи между письмом и убийством и хочет, чтобы я помалкивала об этом. Ну и ладно.

– Убийца сбежал, – коротко объясняю я. – Император собирается расследовать это дело.

Каникла открывает рот, желая задать свою порцию вопросов, но моя фея-крестная прерывает ее.

– Присаживайтесь, господин барон, – просит она нашего гостя. – Мокколатль или чай?

Бросив почти испуганный взгляд на мою грубоватую фею, барон опускается на свободный стул, на котором обычно сидит Испе?р, когда бывает дома.

– Мокколатль, пожалуйста, – говорит он. – Но только самую малость.

Я наливаю ему в чашку приличную порцию густой красновато-коричневой жидкости, а он с мечтательной улыбкой на губах следит за этим процессом. Никогда не видела, чтобы этот человек что-либо ел, но к дорогим экзотическим

жидкостям он, видимо, питает какую-то особую страсть.

А еще – к каретам. Он называет их «кароссы», и прежде чем мы успеваем опомниться, разговор за завтраком начинает вращаться вокруг одних только самоочищающихся лаков, блестящих дверных ручек и эластичных натяжных ремней. Время от времени Этци удается вставить цитату из Ба?ндита Боргера Шелли.

– И как бы долог ни был путь, – чуть ли не кричит она, – сердце быстрее бега копыт, освобожденных от уз.

И тут в комнату для завтрака входит Испе?р, причем делает это так неожиданно, что моей доброй фее удается выхватить у меня из-под носа последний пончик.

Испе?р, как и в прежние времена, спрятан за маскировочным заклинанием, поэтому ни Этци, ни Каникла, ни барон его не видят. Штормовой серо-синий оттенок его глаз исчез за стекловидной чернотой, лицо кажется напряженным и непривычно суровым. Он одаривает меня быстрой усталой улыбкой, а затем поворачивается к моей фее, которая тоже видит его – наверное потому, что ему так и хочется.

– Леонор? – произносит он неслышно для остальных.

Я застываю в изумлении. Знаю, что это имя моей феи, но никогда не называю ее так, в том числе потому, что по непонятным для меня причинам она ненавидит свое имя. Фея-крестная поднимает брови и строит на лице вызывающее выражение, но – когда Испе?р одним движением головы предлагает ей немедленно выйти вместе с ним из комнаты, – поднимается и выполняет его требование. Вероятно, из любопытства, а может, и для того, чтобы избежать очередной лекции барона о двойных пружинных подушках из лосиной кожи, которую тот вот-вот собирается начать.

Не будь это столь недостойно и унизительно, я бы побежала за мужем и феей, чтобы подслушать их, а так приходится уговаривать себя, что скоро все равно узнаю о том, что такого важного могут обсуждать эти двое. Поэтому погружаюсь в созерцание настенных часов, пока барон объясняет моим сестрам, что сиденья в спортивных экипажах жестче, чем в каретах для путешествий, и

прислушиваюсь к тихой перебранке Наташи и Гворрокко, которые чуть ли не дерутся из-за куска яйца, который уронила Каникла.

Наконец моя добрая фея появляется снова, бледная и напуганная.

– Я никогда не пойму, почему ты не вышла замуж за очаровательного Випа, – шипит она на меня. – Мы были бы в достатке, а проблем было бы намного меньше.

– Почему, что такое?..

В дверном проеме появляется мой муж, который внезапно выглядит гораздо лучше, чем раньше.

– Ты идешь? – спрашивает он меня.

По тому, как затихает разговор за столом, я понимаю, что на этот раз он виден всем. Барон смотрит на Испе?ра, словно сын императора – позолоченный гоночный экипаж, а мои сводные сестры складывают губы в синхронное «О!». Им нравится Испе?р, что в значительной степени связано с подарками, которые он привозит им из Толовиса. Они выжидательно смотрят на него, но мой муж, извиняясь, качает головой.

– Вчера мне пришлось уехать в спешке, – говорит он. – Наберитесь терпения до следующего моего визита, и будете поражены тем, что я для вас приготовил.

Произнося эти многообещающие слова, он берет с блюда кусок кекса с изюмом и с нетерпеливым видом дает понять, что мне стоит, наконец, встать из-за стола и последовать за ним.

– Что ты задумал? – спрашиваю я.

– Мы вылетаем. Твой линдворм уже оседлан.

– И куда мы летим?

– В одно место в Запретном Лесу, которое Леонор очень неохотно мне раскрыла.

Я оборачиваюсь к своей доброй фее.

– Передай своему мужу, что я его ненавижу, – говорит она. – Пусть его заберут подданные Короля-Призрака. Призрачных желаний, дитя мое.

– Возблагодарим призраков, – бормочу я, позволяя Испе?ру вывести меня из комнаты.

Глава 5

Львиное Сердце стоит перед хлевом как ягненок, взнузданный, оседланный и с таким выражением на морде, будто съел несколько галлюциногенных насекомых.

– Ты его околдовал?

– Не я, – отвечает Испе?р, – Онклидамия.

Он указывает на великолепную черную линдвормиху, которая при солнечном свете выглядит гораздо впечатляюще, чем ночью. Дракониха пристально смотрит на Львиное Сердце своими голубыми глазами, словно хочет поглотить его ими. Раньше я думала, что линдвормы не умеют улыбаться, но морда Онклидамии показывает мне, что я ошибалась.

– Не понимаю! Еще сегодняшней ночью они хотели поубивать друг друга!

Испе?р взлетает в седло.

– Ты, верно, ничегошеньки в линдвормах не смыслишь, – говорит он.

– А как иначе? – вопрошаю я, вскарабкиваясь в седло Львиного Сердца. – В Амберлинге ведь только один линдворм – тот, что принадлежит мне.

– Да, это интересно, – соглашается Испе?р. – Линдвормы – животные, заряженные очень сильной магией, а вы здесь, в Амберлинге, кажется, инстинктивно избегаете таких вещей.

– Прежде чем вы взлетим, – говорю я, – ты должен объяснить мне две вещи. Во-первых, зачем ты окружил мой дом солдатами? Я хочу, чтобы эти люди перестали тереться животами о мой забор и с подозрением оглядывать все, что происходит за ним. А то я чувствую себя очень некомфортно.

– Это только для твоей защиты.

– Единственный враг, который побеспокоил меня, – это призрак лисы, который исчез в котелке и которого больше никто никогда не увидит, и, позволь заметить, мы с моей феей-крестной сделали это сами, без всякой твоей помощи. Потому что мы здесь, в отсталом Амберлинге, очень хорошо вооружены против таинственных врагов императора – в отличие от господ в форме на моем пороге, которые, вероятно, не заметили бы лиса, даже если бы он помочился на их идеально отполированные сапоги! Итак, ты собираешься отозвать своих людей или нет?

– Нет. А что во-вторых?

Такая неслыханная наглость лишает меня дара речи. Я молча пялюсь на него, а он улыбается мне в ответ – примерно так же соблазнительно, как делает это Онклидамия, которая все еще смотрит на Львиное Сердце.

– Ты сказала, – напоминает он, поскольку я продолжаю молчать, – что я должен объяснить тебе две вещи. Исправь меня, если я что-то пропустил, но…

– Да, да, да! – перебиваю его я. – Во-вторых, что ты обсуждал с моей феей? Пока я об этом не узнаю, никуда с тобой не полечу.

Я уже прочно сижу в седле и чувствую беспокойство Львиного Сердца. Он хочет взлететь и развеяться в этот прекрасный зимний день. Боюсь, что, если я подожду еще немного, он может пренебречь моими желаниями и взлететь без разрешения. Кроме того, солнце припекает, и мне, одетой в шапку, пальто и шарф, становится все жарче и жарче.

– Она очень подробно рассказала мне, что произошло вчера вечером, – отвечает Испе?р. – Твоя фея упомянула о доме с гномами, который явился ей в видении, когда из котелка вышел пар. Вот туда мы сейчас и направимся.

– Хочешь сказать, она добровольно поведала тебе об этом?

– Ну, – говорит он, – она рассказала. Ты постоянно забываешь, с кем имеешь дело. Я опасный волшебник, который знает, как управлять противником.

– С помощью магической силы.

– С помощью хитрости. В случае с твоей феей я не применял насилия, потому что она практически принадлежит к моей семье.

Я хмурюсь.

– Откуда ты знаешь, где этот дом с гномами?

– Раньше это был дом сумасшедшего мельника. Твоя фея узнала его. Она несколько раз навещала мельника вместе с бабушкой, когда была еще совсем маленькой девочкой.

– И она с детства помнит дорогу? Вплоть до сегодняшнего дня?

– Нет, но шпионы императора, естественно, знают, где когда-то жил сумасшедший мельник. Он был сторонником древних верований и, следовательно, нашим врагом. После того как тот умер – кстати, той же зимой и от той же лихорадки, что и твоя биологическая мать, – мы следили за местом, где он жил. Дом казался покинутым, но это, как оказалось, было заблуждением. Никто из наших разведчиков не заметил гномов, входящих в дом или выходящих оттуда.

– Ага.

– Самое коварное в этом доме то, что мы не можем его видеть. Он спрятан где-то между поселениями двух вампирских племен в труднодоступной части Запретного Леса. Мы видим только границу, которую сумасшедший мельник

когда-то провел вокруг своего дома. Мы наблюдаем за ней. Сам дом, вероятно, существует только в Царстве призраков.

– И что нам там нужно, если мы даже не можем добраться до дома?

– Я полагаю, – отвечает Испе?р, – у дочери нечестивых есть средства, чтобы найти этот дом, которые мне неведомы. Вот почему мы идем туда вместе.

Солнце припекает мне нос, и несколько сосулек, оторвавшись от дерева над нашими головами, сверкая, летят к земле.

– Если враг императора так безумно опасен, – говорю я, – не будет ли полнейшим безрассудством пробираться прямо в логово противника? Тем более что моя фея с малых лет втолковывает мне, что обычные люди, вступающие в Царство призраков, играют с жизнью и смертью.

– Мы не собираемся туда входить. Я просто хочу знать, сможешь ли ты заглянуть в это призрачное место.

– А что, если смогу?

Испе?р понижает голос:

– Тогда мы никому об этом не скажем.

– Потому что?..

– Потому что в противном случае мой отец забудет о том обещании, что дал мне. Он больше не будет воспринимать тебя с равнодушием, он решит, что ты – враг, и, соответственно, будет сражаться.

– Скажи ему, чтобы он поберег свои силы! Мне не нужны враги, вражда – это так обременительно.

– Верю тебе на слово, – говорит Испе?р. – Однако его противники выставили тебя на поле сражения в собственных интересах. Вполне возможно, что наша личная связь является следствием плана, придуманного врагами императора. Еще до

твоего рождения.

Несмотря на солнце и теплое пальто, я чувствую дрожь во всем теле. Признаю, в моей жизни произошло много странных совпадений. Но что, если это не совпадения?

– Если мы обнаружим, – продолжает Испе?р, – что ты можешь видеть места, где обитают призраки, нам придется любой ценой сохранить наше открытие в тайне и узнать о нем больше. Намного больше! В конце концов, врагов никогда не обезоруживают силой. Их побеждают, познавая их и мотивы, которые ими движут. Это мы и должны сделать. Я доверяю тебе, ты доверяешь мне. Договорились?

Что мне ответить на это? Сообщение Испе?ра заставляет меня ощутить неловкость, в то время как мой взгляд меланхолично задерживается на его идеально изогнутых губах. Львиное Сердце использует этот момент, чтобы, слегка подпрыгнув, взлететь в воздух. Испе?р вместе с Онклидамией немедля следуют за нами.

Холодный ветер свистит у меня в ушах, голубизна неба надвигается с немыслимой скоростью. Львиное Сердце самоуверенно стремится произвести впечатление на Онклидамию, выполняя самые невероятные маневры, поэтому у меня нет другого выбора, кроме как напряженно сосредоточиться на полете, чтобы ненароком не свалиться с его спины. Но это хорошо, потому что у меня не остается времени на другие мысли и заботы. Мое сердце становится невесомым, как перышко, когда мы парим над миром, и каждый раз, когда Львиное Сердце намеренно падает в воздушную яму, отчего у меня в животе что-то ухает и судорожно сжимается, я восторженно смеюсь.

Когда мы добираемся до серо-коричневой границы Запретного Леса, мне приходится обуздать Львиное Сердце и пропустить Испе?ра с Онклидамией вперед, потому что дороги я не знаю. Смущенно, а если честно прямо-таки загипнотизированно уставившись на гибкий хвост породистой драконихи, Львиное Сердце скользит следом за ней.

Поразительно, каким бесконечным кажется Запретный Лес. Мы летим и летим, а он все тянется – до самого горизонта. В этом огромном лесу почти нет ориентиров, но Испе?р, похоже, точно знает, куда лететь, и в какой-то момент

начинает снижаться.

Мне с малых лет проповедовали, что человек, который находится слишком далеко ото всех человеческих поселений, в глубине леса теряется. Я не могу разглядеть поблизости ни одного поселения, тем не менее Испе?р непоколебимо готовится к посадке, что совсем не так просто, потому что единственная поляна в чаще еле-еле вмещает в себя двух линдвормов.

За мгновение до того, как Онклидамия касается земли, Испе?р выпрыгивает из седла и приземляется в обледенелый похрустывающий снег. Он знаками показывает мне сделать то же самое, и поскольку я не могу представить, что сын императора преследует какой-то план, который убьет нас обоих, то спрыгиваю и оказываюсь рядом с ним.

Испе?р издает свистящий звук, похожий на мелодию заколдованной флейты, после чего Онклидамия снова поднимается ввысь и исчезает за черными верхушками деревьев. Львиное Сердце тоже разворачивается и улетает следом за ней.

– Он даже не оглянулся на меня! – восклицаю я. – Что она с ним сделала?

– Она выбрала его, – отвечает Испе?р. – Это означает, что с сегодняшнего дня она выделяет секрет, который делает линдвормов-самцов покорными. Не принимай это на свой счет, он просто не может этому противиться.

– Как-то нечестно с ее стороны!

– Эффект ослабевает через три-пять дней. Тогда он снова станет прежним. Обычно после этого происходит спаривание и выясняется, возникло между ними что-то вроде настоящей личной привязанности или нет. Очень похоже на нас, людей, ты не находишь?

– То есть Львиное Сердце спарится с линдвормихой твоего брата? Потому что она его околдовала?

– Нет, не волнуйся. В корм Онклидамии добавляют отвар, который подавляет желание совершать сам акт спаривания. Беременные линдвормихи просто

несносны и не используются в качестве верховых животных, поэтому все самки этого вида снабжаются у императора таким отваром, если только они не предназначены для размножения.

Теперь, когда я уже не могу убежать, мне кажется, что мрак леса надвигается на нас. Без своего дракончика чувствую себя потерянной.

– Они вернутся, когда понадобятся нам снова? – спрашиваю я.

– Если я буду в состоянии свистеть, то да.

За поляной царит почти ночная темнота. Осенью деревья сбросили свою листву, но серые листья не смогли улететь далеко: они застряли в тонкой оплетке из веток и сучьев и вместе с листвой предыдущих лет образуют заплесневелый, гниющий слой, покрытый снегом. Холодный воздух, бьющий нам навстречу из глубины леса, пахнет могилой.

– Ты сказал, что дом сумасшедшего мельника находится между поселениями двух вампирских племен, – приглушенным голосом говорю я.

– Он намеренно выбрал это место, чтобы защитить себя от незваных гостей.

– Но дом все равно находится во владениях Царства призраков.

– Раньше пограничные районы были видимы, и путь в Царство призраков был доступен каждому.

– А что мы будем делать, если на нас нападут вампиры?

– Бороться, но надеюсь, до этого не дойдет, – говорит он и берет меня за руку. – Я распространил свое маскировочное заклинание и на тебя. Если все пройдет как надо, мы ускользнем от внимания наших врагов и достигнем границы, не беспокоясь о вампирах, опасных животных, злых духах или безумных Богах природы.

Я крепче сжимаю его руку. Маскировочное заклинание? Что ж, звучит неплохо.

– Нам нужно молчать? – шепчу я.

– Нет, – отвечает он. – Но остерегайся эмоциональных вспышек. Подобную энергию вампиры и дикие звери чуют за много миль.

– Тогда не зли меня.

– Хорошо, – соглашается он, глядя на меня так, что все мое тело трепещет. Или это маскировочное заклинание так ощущается? Будто кто-то влил в меня пунш, который так любит пить моя добрая фея. Внутри становится жарко, а тело жаждет чувственных объятий.

– Подобные чувства им тоже заметны, – предостерегает меня. – Попытайся думать о чем-нибудь другом.

– В смысле? А о чем я думала?

– О чем-то, что окружает тебя такой аурой, которой я почти не могу сопротивляться. Но нам стоит остыть, иначе это действительно будет опасно.

Его слова приводят меня в чувство. Я вообще-то и так уверена, что мы совершаем нечто опасное. Я знаю Испе?ра недолго – и, как сообщалось ранее, не очень хорошо, – но уже сообразила, что он любит ввязываться в приключения, которые другие считают идиотскими и даже самоубийственными. Бьюсь об заклад, наша прогулка – именно такое приключение.

Едва мы покидаем поляну, на земле почти не остается снега. Местность обрывистая; мы бредем в глубь чащи по коричневым коврам из мха, а нагромождения разлагающихся листьев и грязного снега в переплетенных кронах деревьев становятся все выше и выше. Все это время в отдалении какие-то лесные существа воют, хрипят и свистят: эти звуки пробиваются сквозь темноту среди мощнейших стволов деревьев. Надеюсь, ближе они не подойдут.

– А где императорские шпионы, о которых ты упоминал? – спрашиваю я. – Ты утверждал, что они охраняют границу, которую мельник провел вокруг своего дома.

– Они стоят на замаскированных постах по краям участка, по которому мы с тобой сейчас движемся. Место это довольно большое: если идти по прямой, чтобы пересечь весь участок, потребуется час или два. Это означает, что сейчас мы сами по себе. Но если я отправлю сигнал бедствия, они смогут прийти к нам на помощь.

– А далеко еще до дома мельника?

– Не знаю. Он находится где-то в этом месте. Где именно – мы не знаем, потому что не можем заглянуть в Царство призраков.

– Но ты надеешься, что я смогу?

– Надеюсь и в то же время боюсь этого. В зависимости от того, как все закончится, это будет подарком или проклятием.

Эта информация никоим образом меня не успокаивает, но сейчас предпочитаю молчать, потому что меня все больше охватывает ощущение, что мрак вокруг нас пульсирует. Кажется, что даже земля под ногами гудит.

– Что такое? – спрашивает Испе?р, почувствовав, что я замедлилась.

– Разве ты не замечаешь? – спрашиваю я. – Здесь что-то не так, и…

Шум над нашими головами заставляет меня замолчать. Это всего лишь короткий шорох, но он сопровождается холодным затхлым ветерком, который заставляет меня вздрогнуть всем телом. Испе?р всматривается в верхушки деревьев над нами, положив руку на свой меч.

– Вот черт, – бормочет он.

– Что?

– Маскировочное заклинание не покрывает нас полностью. Моя магия мерцает.

– Я же говорю, здесь что-то не так.

Испе?р тянет меня за собой, но уйти далеко нам не удается. Несколько теней падают с крон деревьев на лесную почву и встают у нас на пути. Вампиры с бледными, изголодавшимися лицами. Их взгляды полны удивления и жадности. В широко раскрытых ртах чудовищ я вижу желтоватую белизну длинных острых клыков. Мурашки бегут по всему моему телу, словно ледяной дождь.

– Держись ближе ко мне! – приказывает Испе?р. – И будешь вне опасности.

Я считаю это дерзкой ложью, потому что только навскидку здесь двадцать голодных существ с острыми зубами и когтями, готовых, конечно же, без всяких колебаний высосать всю кровь до последней капли из императорского сына и его жены.

Даже не могу винить их за то, что они хотят напасть на нас. Мы вторглись на их территорию. Нельзя так просто зайти в вольер со львами, а потом волноваться из-за того, что они шипят на тебя и бьют своими когтистыми лапами.

Радужная молния, выпущенная из руки Испе?ра, перелетает от вампира к вампиру, заставляя их – одного за другим – замереть в абсолютной неподвижности. Когда первый ряд нежити становится будто бы окаменевшим, я собираюсь с облегчением вздохнуть, но второй ряд предупрежден и начинает действовать.

Холодный, вязкий туман неестественно быстро ползет по земле, обвиваясь, словно путы, вокруг моей левой ноги. Испе?р отпускает меня, вытаскивает два меча, короткий и длинный, и разрубает туман, словно тот сделан из тонкого стекла.

Туман распадается на тысячи звенящих осколков, что образует странную мелодию, но прежде чем мы успеваем воспользоваться нашей вновь обретенной свободой, трое вампиров подскакивают к Испе?ру и нападают на него с вытянутыми когтями и устрашающими взглядами.

Защищая, он заслоняет меня собой и рубит воздух мечами. Коротким мечом наносит удар первому вампиру в грудь, более длинным – ранит второго в руку. Я отшатываюсь назад, когда в меня, пролетев по воздуху неестественно высокой дугой, врезается фонтан черной крови.

– Вытри ее! – ревет Испе?р, обезвреживая третьего вампира и отбрасывая его на окаменевших собратьев. Те уже начинают оживать, но все еще настолько неподвижны, что опрокидываются, словно конусы, один за другим. – Иначе она разъест твою кожу!

Я очень медленно соображаю, в это время позади меня появляются еще четыре вампира, от которых мне тоже нужно каким-то образом держаться подальше. Торопливо вытираю шарфом брызги вампирской крови с лица, разбегаюсь и делаю огромный прыжок в том единственном направлении, которое еще не перекрыто. При этом я перелетаю через упавшее полусгнившее дерево, на котором растут грибы, похожие на громадные шляпы с обвисшими полями. Пульсация темноты усиливается, когда я лечу по воздуху, пока внезапно она не прекращается, а мое лицо не освещается лучами солнечного света. Тепло и свет кажутся мне нереальными, но прежде, чем успеваю понять, что происходит, вдруг оказываюсь в росистой траве.

Она скользкая. Я теряю равновесие и через мгновение лежу на спине. В растерянности замечаю, что на деревьях над моей головой шелестят зеленые листья. Белка, вцепившись в раскачивающуюся ветку, с любопытством разглядывает меня, вокруг, громко щебеча, порхают птицы.

Я перевожу взгляд в сторону и вижу милую поляну. Мельничное колесо крутится рядом с покрытым соломой домиком, движимое тихо журчащим ручьем. Да, я однозначно где-то в другом месте, но тут, словно по команде, заколдованный участок земли, на который я приземлилась, посылает мне еще и оленя, который радостно скачет следом за розовой бабочкой. Все понятно. Должно быть, я попала в Царство призраков – и тут гораздо красивее, чем в историях, которые рассказывала мне фея-крестная.

Глава 6

Я жду, что гномы, которых я видела вчера вечером в испарениях котелка, выйдут из дома, но ничего подобного не происходит. Либо они меня не замечают, либо их вообще нет дома. Наверное, последнее, потому что все ставни в доме заперты. В любом случае, мне следует поскорее убраться отсюда. Ведь теперь я знаю то, что хотел выяснить Испе?р: я могу не только видеть

призрачные миры, но еще и входить в них!

Когда встаю и забираюсь на ствол дерева, поросшего грибами в виде шляп с опущенными полями, белки и оленята с любопытством наблюдают за мной. Мыши, птицы и ящерицы тоже чрезвычайно сильно интересуются моими намерениями, но я не позволяю им себя отвлечь. Я сосредотачиваюсь, делаю глубокий вдох и прыгаю в тень за пределами поляны в ожидании новой встречи с вампирами.

А там… ничего. Во всяком случае, ничего нового. Птицы щебечут, стоит летняя жара. И как мне вернуться назад?

Находиться здесь в зимней одежде уже невыносимо, поэтому я снимаю пальто, испорченный шарф и перчатки и вешаю их на ветку. Потом принимаюсь ползать, перелезать, исследовать ствол дерева, поросшего грибами, сопровождаемая и преследуемая стайкой животных. Я делаю это бесчисленное количество раз, а тем временем к нам присоединяются кролики, еноты и лягушки, которые вполне довольны своей жизнью.

– Как мне отсюда выбраться? – спрашиваю я олененка. – Я хочу вернуться в зиму своего собственного времени.

В ответ животное смотрит на меня простодушными глазами, совершенно ничего не понимая, как и следовало ожидать. Я продолжаю повторять свой вопрос, исследуя всю поляну в поисках границы, которую не могу найти. Мне никто не отвечает, меня не озаряет никакая вспышка вдохновения, но я помню предупреждения моей феи. Сколько раз она говорила, что существуют границы, которые нельзя переступать! Потому что иначе сам станешь призраком и потеряешься навсегда.

Через несколько часов я решаю отдохнуть в доме сумасшедшего мельника. За все то время, что я здесь ползаю, на поляне совершенно ничего не изменилось. Если не считать плеска воды и громкого щебета птиц, здесь идеальная тишина.

Когда направляюсь к дому, животные принимаются прыгать и скакать вокруг меня, словно с нетерпением дожидались этого момента. Я осторожно толкаю низкую дверь, через которую даже моя фея могла бы пройти, лишь пригнувшись, и звери тут же проносятся мимо меня в темную комнатку.

Внутри дома царит могильная тишина, если не считать топота лап и стука копыт моих спутников. Постепенно мои глаза привыкают к полумраку. Мебель в гостиной маленькая, словно предназначена для детей, а в доме царит полнейший беспорядок. Пока я раздумываю, открывать ли ставни или отдохнуть в темноте, громко ухает филин. Его крик доносится с верхнего этажа и звучит так печально, что я чувствую необходимость посмотреть, не случилось ли чего с этой птицей. Нащупываю ступени лестницы, ведущей под крышу, и поднимаюсь по ней.

Навстречу мне льется теплый огненно-красный свет. Он исходит от лисы, которая спит, свернувшись калачиком, на одной из семи маленьких кроватей, установленных на чердаке. Я сразу узнаю лису: это ее искаженную тень моя фея заманила на кухню и изгнала. Но сегодня лиса выглядит мило и безобидно, к тому же – очень красиво светится. На напольных часах, стрелки которых остановились, я замечаю филина. Он сидит там, молча и враждебно наблюдая за мной своими черными глазами.

Поскольку в остальном с ним все в порядке, я возвращаюсь в гостиную и одно за другим открываю все окна, чтобы свет и воздух могли проникнуть в дом. На столе, за которым гномы сидели вчера вечером, стоят семь тарелок и семь кружек. В корзине лежит буханка свежего хлеба, приготовленная для жителей дома, что говорит о том, что они скоро будут дома. Я не горю желанием встречаться с ними, но поскольку самостоятельно найти обратный путь в Запретный Лес не могу, мне волей-неволей придется просить у гномов помощи.

Аромат хлеба непреодолимо манит меня. Внезапно ощущаю такой голод, будто три дня бродила по лесу без еды. При этом я отлично позавтракала: готова поспорить, съеденная мною порция пончиков могла бы прокормить все семейство гномов в течение всей зимы. Следовательно, я должна быть сыта, но это далеко не так. О, этот запах сводит меня с ума!

Я не поддаюсь соблазну, потому что помню рассказы моей матери, в которых слабые люди ели в странных местах что-то, что им не следовало есть. Каждый раз, когда эти люди превращались в жаб, теряли голос, были порабощены демоном или съедены ведьмой, я думала: как можно быть такими глупыми? Я бы никогда ни к чему не притронулась! И только сейчас понимаю, как тяжело приходилось героям этих сказаний.

Чем дольше я сопротивляюсь, тем мучительнее становится чувство голода. Я отвлекаюсь, перемывая грязную посуду, сложенную стопками у корыта с водой. Затем подметаю жилую комнату, в чем она, к слову, чрезвычайно остро нуждалась. Домик гномов уютный, но они, видимо, ходят по дому в сапогах с прилипшими к ним комьями земли. Воистину – из всей той грязи, что я выметаю из комнаты, могла бы получиться отличная грядка для овощей. И все же я благодарна за грязь, потому что, пока избавляюсь от нее, мой голод утихает.

Мои друзья-животные наблюдают за моими усилиями с любопытствующим энтузиазмом и решаются мне подражать. Это забавно, но только добавляет мне работы, потому что они облизывают тарелки, заметают ногами землю под коврики, а пытаясь замочить грязную одежду в корыте для стирки, сами падают туда, и мне приходится их спасать. Я так занята, что время от времени забываю, где нахожусь. В этом и заключается коварство подобных мест. Вы теряете из виду прошлое и будущее, и самое безумное в этом то, что происходящее кажется сейчас настоящим счастьем.

Когда начинает смеркаться, я зажигаю лампы и развожу огонь в камине. Я хочу подкинуть дров, но замечаю, что корзина с дровами пуста, и поэтому отправляюсь на их поиски вместе с корзиной и лампой. В задней части дома нахожу дверь, которая, кажется, ведет в подвал. Предполагая, что найду там еще поленьев, я толкаю дверь, но она не открывается. Она холодная. Ледяная. Словно за ней стоит глубокая зима.

Едва подумав о зиме, вспоминаю, кто я и зачем сюда пришла. Я почти забыла об этом!

Боже мой, если так пойдет и дальше, я навеки останусь в этом заколдованном месте и никогда не найду дорогу домой. Я снова трясу дверь и обыскиваю каждый камень и нишу в поисках ключа, который подошел бы к замку. Но, конечно же, не нахожу.

Камин в доме догорает. Филин на верхнем этаже издает печальный вскрик, когда я сажусь на пол к своим спящим животным. Я думаю об Испе?ре и смотрю на последние язычки гаснущего пламени. Не могу забыть, кто я, пока думаю о нем. Я должна держаться за его образ, тогда со мной ничего не случится. Но мысли о нем превращаются в мечты, а мечты плавно переходят в сон. Я просыпаюсь только когда слышу голоса.

– Она ела из твоей тарелки?

– Нет, не ела! И не пила из моей чашки.

– И в наших постелях она тоже не спит. Ничего не поделаешь. Надо заканчивать с этим, ребята!

Мне этот разговор кажется странным и непонятным, и я открываю глаза. Очень хочу встать, но это не так-то просто, потому что я заснула на полу, а после всей этой чистки и подметания мои конечности напрочь окоченели.

Когда начинаю двигаться, голоса стихают. Все еще сонная, я оглядываюсь по сторонам: сидя на полу, я почти того же роста, что и семь гномов, окружающих меня. Среди них пятеро мужчин и две женщины: я думаю так только потому, что у пятерых гномов длинные бороды, а двое других не имеют растительности на лице и похожи на мою добрую фею. У них такие же крючковатые носы и особо самоуверенные складки вокруг рта.

Семь лиц пялятся на меня так, словно я – опасное животное, которое пробралось из леса в их жилище и от которого они отчаянно хотят избавиться. Кстати, о животных: все мои друзья из леса исчезли. Осталась только лиса, которая днем спала под крышей. Она сидит на одном из маленьких стульев и смотрит на меня. Вокруг того места, где она сидит, распространяется свет, напоминающий свечение раскаленных углей.

– Давайте-ка побыстрее покончим с этим, – говорю я. – Я заблудилась и была бы очень вам признательна, если бы вы объяснили мне, как добраться домой. Кроме того, я не люблю, когда мне присылают проклятые письма с безумными посланиями. Запомните это!

Гномы не реагируют, не удивлюсь, если они вообще глухие. Но младшая из двух женщин-гномов качает головой и бормочет:

– Она не ела из наших тарелок…

Они полностью свихнулись – вот весь ответ! Ну конечно: они посылают мне безумные письма, потому что и сами безумны!

– Зачем мне есть из ваших тарелок? – сердито спрашиваю я. – У меня дома есть свои тарелки, из которых я могу есть, кроме того, в отличие от вас всех, у меня-то с головой все в порядке!

– Успокойся, – говорит пожилая гномиха. – Мы просто удивляемся, как ты смогла противостоять нашей магии дома и очага. До сих пор каждый незваный гость ел из наших тарелок, пил из наших чашек и спал в наших кроватях. Даже молодой Король-Призрак делал это.

– Да, так и было, – подтверждает гном с кустистой рыжей бородой. – Он был еще ребенком, но прошло три месяца, прежде чем заклинание ослабло, и он смог двинуться дальше.

– Вы хотите сказать, – недоверчиво спрашиваю я, – что ваша коварная магия дома и очага чуть не заставила меня застрять здесь на три месяца? Это было бы катастрофой!

– Ничего ведь не произошло, – успокаивающе говорит старшая гномиха. Остальные гномы согласно кивают, что подтверждает мое предположение, что эта гномиха – главарь всей банды и всегда говорит за всех. – Мы точно не заинтересованы в том, чтобы привязать тебя к дому. Раньше, когда врата еще были открыты, мы, признаю, заманивали то одного, то другого гостя, чтобы они помогали нам.

Ты смотри! Вон как гномы экономили расходы на персонал. Хотя это им совсем не требуется, понимаю я, когда смотрю на корзины, которые они втащили в дом. Среди лежащих в них комьев земли отчетливо поблескивает золото.

– Когда молодой Король-Призрак случайно попал в наши руки, мы, конечно, не стали заставлять его работать, – рассказывает глава гномов. – Мы радовались мальчику и баловали его, как если бы он был нашим собственным ребенком. Мы очень любили его, так же, как и он нас, поэтому продолжал возвращаться к нам снова и снова, даже когда повзрослел. С этого и началась беда.

Семеро гномов смотрят на меня так, словно я должна знать, о чем они говорят. Да они, кажется, считают меня просто корифеем в вопросах, касающихся бедствий. Но поскольку я понятия не имею, на что они намекают, наконец спрашиваю:

– Что за беда?

– Что за беда? – передразнивает меня беловолосый гном. – И ты еще спрашиваешь, дурочка?

– Ну-ну, – успокаивает его главная. – Она всего лишь дитя нового времени. Думаю, человеческий мир мало что знает о старых делах.

– Но ведь она… – начинает беловолосый гном, но главная прикладывает палец к губам, и он замолкает.

Тогда она поворачивается ко мне.

– Беда, о которой мы говорим, касается и тебя, и нас. Объяснить тебе, о чем идет речь?

– Да, пожалуйста, я внимательно слушаю.

– Это длинная история. Я даже не знаю, с чего начать… Хм, пожалуй, лучше всего с Короля-Призрака. Он жил с нами в детстве, но с тех пор прошла тысяча лет, и наша история не об этом. Она началась позже, когда умерли родители Короля-Призрака. На него перешло очень тяжкое бремя. В то время он был довольно молод, едва перерос детство. Но уже обладал многовековым жизненным опытом. Призрачные короли и гномы живут куда дольше, чем вы, люди.

Седовласый гном прочищает горло и бормочет что-то в бороду, но главная строгим взглядом дает понять, что ему следует молчать, что тот послушно и делает, хотя и с крайне недовольным выражением на лице.

– К тому моменту, когда Король-Призрак получил свое наследство, – продолжает гном, – сила древней веры в человеческом мире уже стремительно ослабевала. Королю-Призраку, правителю древних созданий, надлежало спасти бесчисленное количество существ, вырвав их из человеческих сфер. Поразительным деянием силы он переместил несколько человеческих королевств, в которых старые силы еще были живы, в Царство призраков. И только Амберлинг не тронул – это королевство осталось видимым в

человеческом мире как последняя и самая могущественная твердыня древней веры. Через Амберлинг Король-Призрак мог посещать людей, это были его врата в реальность, как и Запретный Лес, скрывающий тропинки, ведущие в призрачное время. Дом, где мы сейчас находимся, был важным пограничным постом.

– Значит, этот сумасшедший мельник был неким хранителем границ?

– Ну, если так, то хранителями границ были все мы. У сумасшедшего мельника не было дома. Он бродил по окрестностям без всякой ответственности, но, когда уставал и нуждался в кладовой, которую мог опустошать сколько душе угодно, – охотно оставался у нас.

– Он и его гости, – добавляет карлик с рыжей бородой. А потом, как и другие гномы, косится на потолок.

– Вернемся к Королю-Призраку, – продолжает главная гномиха. – Он добросовестно выполнял свою великую задачу, но не все подданные были согласны с его планами. Некоторые колдуны и ведьмы старой веры восстали против него, потому что не хотели просто так оставлять мир императору и современным колдунам, предпочитая сражаться с новым временем. Они ожидали, что Король-Призрак возглавит эту битву, но он этого не сделал. Если бы он серьезно отнесся к трем могущественным колдунам, которые плели против него интриги, все могло бы закончиться хорошо. Но он отвлекся. Потому что в один прекрасный день, когда он в очередной раз посещал нас, встретил здесь человеческую девушку и влюбился в нее по уши.

– Девушку, которую вы заманили сюда своим заколдованным хлебом, чтобы она работала на вас?

– Ну, может, вначале мы немного и поспособствовали этому, – говорит гномиха. – Но она оставалась с нами долгие годы, потому что ей здесь очень нравилось!

Я не возражаю, хотя мне интересно, что такого восхитительного в том, чтобы жить год за годом в доме гномов и обслуживать этих семерых маленьких людей. Но допустим, я ведь тоже много лет заботилась о своей семье и была довольна своей жизнью.

– Только ради того, чтобы быть с ней, Король-Призрак пренебрегал своими обязанностями. Из-за нее он совершил слишком много поездок в мир людей и стал невнимательным. Упустил из виду, что его враги разработали план, призванный лишить его силы. Три волшебника, возглавлявшие восстание, могли изменять свой облик, поэтому их называли многоликими. Как и сейчас, они действовали тайно, и их трудно разоблачить. Их план заключался в том, чтобы дать Королю-Призраку яблоко, которое погрузило бы его в глубокий сон. Если бы он заснул, его живая кровь держала бы открытыми врата между человеческим миром и миром духов, и он больше не смог бы сражаться с мятежными ведьмами и колдунами. Многоликие присвоили бы его власть и правили бы вместо него.

– Но у них ничего не вышло? – спрашиваю я.

– Случилось кое-что похуже, – мрачно продолжает гномиха. – Кинипетский император узнал об измене через своих шпионов и составил собственный план. Он тайком напитал яблоко смертельным ядом. Когда Король-Призрак укусил его, яд попал в его кровь, и он умер.

– Умер? – потрясенно спрашиваю я. – Совсем?

Гномы кивают, и по их лицам я вижу, что они еще не пережили эту потерю, хотя, должно быть, это случилось много лет назад.

– То есть… Император убил Короля-Призрака?

– Не он лично, – отвечает главная гномиха. – Но убийство произошло по его поручению. Тебе следует знать, что в те дни бушевала ожесточенная война между мятежными ведьмами и колдунами старой веры и императором. Многоликие, пытаясь свергнуть императора, привлекли на свою сторону множество людей и других существ. Они участвовали в набегах и ослабляли Империю, где и как могли. Однажды совершили покушение на сына императора, который был тогда маленьким мальчиком. С этого момента император был полон решимости искоренить старую веру вместе с ведьмами и колдунами, которые ее представляли.

Я просто в шоке. Я и не знала, что это волшебники старой веры хотели убить Испе?ра.

– Ядовитое яблоко позволило императору схватить и уничтожить древнюю веру на корню. В тот роковой день все изменилось. Король-Призрак безжизненно пал в человеческом мире, и мы перенесли его через затухающие врата обратно в призрачное время. Мы похоронили его тело в укромном месте, украсили гробницу золотом и драгоценными камнями и семь дней и ночей бодрствовали рядом с ним, погруженные в печаль и скорбь. Когда мы вернулись в этот дом, было уже поздно.

Шестеро других гномов издают тихие вздохи.

– Слишком поздно для чего?

– Со смертью Короля-Призрака врата между Царством призраков и человеческим миром закрылись. Здесь, где стоит наш дом, пересекалось несколько путей, ведущих в мир людей. Этих путей больше нет. Теперь только призраки могут переходить границы. Подобно духу нашей лисицы, которую мы послали, чтобы убедиться в правильности человеческого мира.

– Но я не призрак, – возражаю я. – И тем не менее перешла границу.

– Да, к сожалению, – бурчит беловолосый гном, которого я втайне окрестила Брюзгой. – В этом-то и проблема.

– Можно подумать, – говорит старшая гномиха, – будто мы, гномы, непременно хотим вернуться в человеческий мир и поэтому с нетерпением ждем переворота, но это не так. Мы мирные гномы, какие бы истории о нас ни рассказывали. Нет никакой необходимости в новой схватке между старыми и новыми волшебниками. Но, к сожалению, все уже началось. Граница стала дырявой и скоро разорвется.

К сожалению, все уже началось. Так было написано и в письме, которое я нашла в снежном буке. Впрочем, там не было приписки «к сожалению».

Старшая гномиха глубоко вздыхает, потому что явно собирается объявить мне что-то очень важное, но Брюзга внезапно выступает вперед:

– Ты зря тратишь на нее время, – ворчит он. – Мы должны сделать так, чтобы она навсегда исчезла с лица земли. Так будет лучше для всех.

И что мне делать теперь? Разве главная гномиха не подчеркнула, что они мирные существа, какие бы истории о них ни рассказывали? Я пытаюсь вспомнить сказки моей матери, в которых время от времени попадались и гномы. Думаю, гномы обычно играли в них довольно посредственную роль. Они были жадными и обладали большой властью, потому что ежедневно спускались в глубины Матери-Земли и копались там. С другой стороны, они не убивали молодых женщин. За это отвечали демоны и жадные полудухи.

– Она даже не ела с наших тарелок, – говорит главная гномиха Брюзге. – Как ты собираешься заставить ее исчезнуть? – С примирительной улыбкой на губах она снова поворачивается ко мне. – Его предложение было чисто гипотетическим и в любом случае провалилось бы из-за его неосуществимости. Можешь быть совершенно спокойна.

– Нет, не могу. Сначала вы присылаете мне то письмо, а потом…

– Письмо не от нас, – прерывает меня старшая гномиха. – Оно было послано тебе приверженцами древней веры, которые по всему миру восстают против императора с момента твоего замужества. Они думают, что твоя связь с сыном императора – часть плана, состоящего в том, что ты уничтожишь императорскую семью, откроешь врата в царство Короля-Призрака и воскресишь старую веру.

– Я? Почему я-то?

– Ну, потому что ты – дитя из пепла! – восклицает гном с кустистой рыжей бородой. – Это же ты должна знать.

– Тихо, тихо, – приказывает гномиха рыжеволосому карлику. – Она наполовину человек. Люди часто соображают чуть медленнее.

– Но не ее мать! – возражает Брюзга.

– Моя мать? – озадаченно спрашиваю я.

– Мы вернемся к этому через мгновение, – говорит старшая гномиха. – Просто слушай меня, и все поймешь: император убил Короля-Призрака, полагая, что победил. Древняя вера канула в небытие, и связь с призрачными мирами прервалась. Последние оставшиеся в живых древние колдуны и ведьмы ослабли. Многие умерли суровой зимой, последовавшей за смертью Короля-Призрака. Твоя мать и сумасшедший мельник – лишь двое из них. Но один слух сохранился: поговаривали, что несколькими годами ранее Король-Призрак и его человеческая возлюбленная произвели на свет ребенка, который был тщательно скрыт от мира и императора. Его назвали дитем из пепла, потому что однажды оно воскреснет подобно фениксу из сожженных останков почти утраченного времени, чтобы вернуть древнюю веру в мир. То дитя из пепла – ты.

Я хватаю ртом воздух.

– То есть… вы хотите сказать… здесь, в этом доме… Король-Призрак влюбился в мою мать?

– До нее дошло! – ехидно усмехается Брюзга. – Не прошло и года.

– Как бы то ни было, – продолжает главная, – само твое существование ставит мир под угрозу. Проблема заключается в крови Короля-Призрака, что течет по твоим венам. Из-за нее возникают дыры в границах. С каждым годом, пока ты становишься старше, те древние ведьмы и колдуны, до сих пор существующие в человеческом мире, становятся все сильнее – в том числе и те три волшебника, коих прозвали многоликими. Они выманивают через образующиеся лазейки всевозможных демонов и злых существ, и как только границы будут полностью разорваны, – что произойдет очень скоро, если ты продолжишь жить, – древние колдуны пойдут на императора с войной. Тогда мы, гномы, будем свободны и сможем пойти куда захотим. Но какой ценой? Император вторгнется в наши владения и разрушит этот пограничный пост, который является нашей родиной. Война уничтожит последние прекрасные места былых времен и прогонит добрые души, которые в них живут.

Я пытаюсь осмыслить эти откровения с той скоростью, с которой они мне преподносятся, но это трудно. Боюсь, разговоров о том, что меня вообще не должно существовать, слишком много.

– То есть письмо мне прислала троица злых древних колдунов? Многоликие?

– Вероятно.

– И чего они от меня хотят?

– Для них ты всего лишь средство достижения цели, – говорит гномиха. – Только не думай, что они хотят сделать тебя своей королевой. Даже если не принимать во внимание то, что ты – наполовину человек и никогда не сможешь обладать силой своего отца, следует помнить, что древние ведьмы и колдуны против того, чтобы кто-либо когда-нибудь управлял ими. Они сами хотят быть у власти. Тебя они собираются сделать своим орудием – марионеткой в игре против императора. Такой же, каким должен был стать Король-Призрак.

– Терпеть не могу древних ведьм и колдунов.

– О, среди них есть и добрые души, но они живут уединенно и ни во что не вмешиваются. А те, кто настраивает людей против императора, – злобные подстрекатели. Твое существование наполняет их новыми силами, и ты ничего не можешь с этим поделать. Разве что умереть.

Я не могу принять такое решение, поэтому лихорадочно ищу другое. Может, мне удастся выяснить, кто такие эти многоликие. Если узнаю, кто они, я могла бы с ними сразиться. Или попросить, чтобы это сделал кто-то другой.

– Мне нужны их имена! – говорю я. – Вы должны рассказать мне, как найти этих трех опасных волшебников.

– Их не зря называют многоликими, – отвечает гномиха. – Никто не знает, как они сейчас выглядят и какие имена носят. Используя магию, они мешают призракам, которых мы посылаем, их распознать. Они действуют очень осторожно: все их следы обрываются еще до того, как выясняется их происхождение.

Пока впитываю эту печальную информацию, я смотрю на светящуюся лису, которая все еще неподвижно сидит на маленьком стульчике и наблюдает за мной. Так значит, она – призрак, которого гномы посылают шпионить за другими людьми. В том числе и за мной. В моем доме.

– Почему ваш призрак внезапно оказался в камине, когда моя фея бросила письмо в огонь?

– Наша лисица, которую мы попросили присмотреть за тобой, поняла, что в письме сокрыта какая-то злобная магия. Она тщетно пыталась ослабить ее, но, к счастью, почтенной мастерице древней веры, которая направляет и защищает тебя, удалось уничтожить письмо и скрытые в нем силы. Заклинание, созданное ею, оказалось настолько мощным, что расколдовало даже нашу лисицу. Ее тень стала видимой, и ей пришлось вернуться к нам, в призрачное время.

Почтенная мастерица старой веры, которая направляет и защищает меня? О ком они говорят? Уж не о моей ли фее-крестной? Тут, должно быть, какая-то путаница, но прежде, чем успеваю заявить об этом, на верхнем этаже снова ухает филин. Его вопль так сказочно-печален, что мои собственные проблемы кажутся совершенно безобидными, хотя это совсем не так.

– Это сумасшедший мельник, – поясняет старшая гномиха. – После смерти его душа переселилась к нам. Он ужасно скорбит по Королю-Призраку и так и не смог смириться с его смертью.

Я указываю на сияющую лисицу.

– А она? Она тоже чья-то заблудшая душа?

– Ты не знаешь, кто она? – восклицает Рыжебородый. – Ты что, совсем не слушаешь, когда твоя почтенная мастерица древней веры тебе что-то объясняет?

Я морщу лоб и молчу. Ну да, я частенько пропускаю мимо ушей то, о чем говорит фея-крестная, особенно когда та рассказывает всякие непонятные вещи, да это и к лучшему. Кроме того, она никогда не упоминала о светящейся лисе, и увидев вчера ее черные очертания, как и я, подумала, что перед нами злой дух.

– Лисица тоже была великой волшебницей, – говорит гномиха. – Она была мудрой женщиной старой веры. Твоя фея-крестная – ее внучка.

Меня поражает вспышка осознания, за которой следует вторая вспышка, которая чуть не заставляет меня рассмеяться. Все, что эти гномы знают обо мне и моей крестной фее, им поведала светящаяся лисица! А поскольку эта лисица – покойная бабушка моей тщеславной, самолюбивой феи, она никогда не расскажет гномам, какая на самом деле ее внучка неудачница. Она описывает свою внучку гномам, как чрезвычайно великую волшебницу, хотя только вчера моя фея призналась, что ей так и не удалось войти в контакт с духом своей бабушки. И это притом, что призрак этой самой бабушки все время присматривал за нами!

– А, ну конечно, – говорю я, бросая на лисицу изучающий взгляд. – Бабушка моей почтенной феи. Надеюсь, ее призрак сможет проводить меня домой. Пора бы мне вернуться в мир людей.

Но гномы, кажется, смотрят на это скептически.

– Стоит попробовать, – говорит, наконец, главная гномиха. – Ты перешла границу один раз, возможно, тебе удастся сделать это и во второй. Но прежде, чем ты уйдешь, у нас к тебе будет одна просьба.

Эти слова она почти шепчет. Я знаю этот тон: таким голосом говорит моя фея, когда отдает мне свои списки покупок якобы для того, чтобы посыльному, который приносит товары, не пришлось ходить дважды. На самом деле она заказывает все, что только можно, за счет Испе?ра. Во всяком случае, я не помню, чтобы она заплатила хоть одну медную монету за все те вещи, с которыми на цыпочках исчезала из кухни, едва посыльный успевал поставить туда коробки.

– Да, в чем дело? – очень вежливо спрашиваю я.

– Было бы неплохо, если бы ты избавила нас от своей магии.

– От моей магии? – в замешательстве повторяю я.

– От твоей магии дома и очага, – нервно поясняет Рыжебородый. – Вместо того чтобы есть из наших тарелок и пить из наших чашек, ты сплела свое собственное заклинание! Это было очень нагло с твоей стороны.

– Что-что я сделала?

– Она безгранично глупа, – с мерзкой усмешкой говорит Брюзга. – Еще большая тупица, чем утверждала лиса.

Лиса! Мало того, что эта женщина совершенно нелепым образом героизирует свою внучку, так она еще и называет меня тупицей!

– Ты вычищала здесь все, как безумная, – говорит Рыжебородый. – Каждый уголок этого дома осквернен твоим присутствием. К счастью, дров ты не нашла, а то еще и очаг бы присвоила.

Я не имею ни малейшего представления, о чем говорит этот парень. Но поскольку на всех без исключения лицах вокруг себя вижу обиду и укоризну, понимаю, что этот карлик, наверное, говорит правду. Мой взгляд останавливается на сияющей лисице, и та – в этом я полностью уверена – тихо усмехается про себя. Значит, магия дома и очага. Постепенно начинаю осознавать, почему никогда не хотела нанимать кого-то, кто стал бы убирать мой дом и обслуживать меня.

Глава 7

В благодарность за то, что я освобождаю их от своей магии дома и очага (к счастью, мне нужно просто сказать вслух, что я делаю это), гномы раскрывают мне то, чего я предпочла бы не знать. Если это вообще правда.

– Остерегайся принца, – советует мне главная, открывая входную дверь, чтобы я могла выйти вместе с лисой в ночь. – Он не тот, за кого себя выдает.

– Он не принц?

– Он не твой муж.

Я впадаю в ступор.

– Как такое может быть? Я вышла за него замуж. Даже присутствовала при этом, так что могу утверждать это с абсолютной уверенностью.

Гномиха качает головой так, словно знает об этом больше меня.

– Нет, вы не женаты. Спроси у него! Он поймет, о чем ты говоришь.

– Но я сама не знаю, о чем буду говорить. Почему бы тебе просто не объяснить мне, в чем дело?

– Это его тайна. Природа тайн заключается в том, что нельзя раскрывать их против воли владельца, не взвалив на себя вину. Поэтому попроси его добровольно открыть тебе этот секрет. Если он любит тебя, то сделает это.

С этими словами гномиха с удивительной силой выталкивает меня за порог и захлопывает за мной дверь. Что ж, они рады, что наконец избавились от меня!

– Ты говоришь? – спрашиваю я у светящейся лисицы, которая рысью бежит впереди меня в темный лес. Она игнорирует мой вопрос и хранит молчание. Бьюсь об заклад, она умеет говорить, но упряма, совсем как ее внучка. – Моя фея вовсе не почтенная мастерица древней веры, – сообщаю я. – И ты это прекрасно знаешь. Я не хочу называть ее дилетанткой, потому что иногда ей удается сделать что-то значительное, но не может идти и речи о том, чтобы…

Лисица резко поворачивается, и я теряю равновесие. Вскоре весь лес вспыхивает, и лисица исчезает, словно ее поглощает черная тень. А я, делая следующий шаг, внезапно возвращаюсь обратно – в Запретный Лес зимнего человеческого мира.

Мне требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к свету множества факелов, которые освещают лес. Везде, куда ни глянь, толпятся солдаты. Мне хочется идти быстрее, но ноги не слушаются. Они непривычно громоздкие и тяжелые, словно я вдруг разучилась ходить.

Мне холодно, несмотря на костры, которые разожгли солдаты, потому что пальто, шапку и шарф я забыла в Царстве призраков. К тому же откровения гномов перевернули мой мир с ног на голову. Многое из того, во что я верила

всю жизнь, оказывается иным, что выбивает у меня почву из-под ног. В плане эмоций, я имею в виду. Настоящая земля остается там, где она есть, пока я шаг за шагом продвигаюсь навстречу кострам.

Солдаты замечают меня, и теперь их крики разносятся по пустынному лесу. Не успеваю я достигнуть первого человека, как Испе?р проталкивается сквозь солдат, вооруженных, как и их предводитель, с головы до ног, словно они собрались на войну. Но когда принц узнает меня, выражение его лица расслабляется. В мгновение ока он оказывается рядом со мной и заключает в свои объятия. Его тепло нравится мне. Мне все в нем нравится.

– Почему тебе всегда нужно настолько перебарщивать? – спрашивает он, гладя мои волосы. – Я сказал: проверь, сможешь ли ты заглянуть на ту сторону. Я не сказал: прыгай и оставайся там шесть дней!

– Шесть дней? – в ужасе переспрашиваю я.

Вместо того чтобы что-то ответить, он оставляет поцелуи на моем лице, что, конечно, очень приятно, но от этого кровь бросается в голову, и я больше не могу устоять на ногах. Он удерживает меня, когда обмякаю в его руках, и осторожно сажает меня на землю.

– Шесть дней? – спрашиваю я еще раз. Никак не могу в это поверить!

– Да, шесть дней, – говорит он. – Время там течет иначе.

– Это объясняет, почему я на грани голодной смерти.

Солдаты приносят одеяла и горячий чай. А еще суют мне в руку влажную губку. Я в нерешительности смотрю на нее.

– Съешь это! – просит меня Испе?р. – Тебе станет лучше.

Я машинально набиваю губкой рот. Она напоминает пересоленный яблочный пирог, – должно быть, императорский повар, потянувшись к сахарнице, перепутал ее с солонкой. Мне приходится бороться с этим вкусом, но едва первый кусок достигает моего желудка, ему становится невероятно хорошо, и

ноющее чувство пустоты проходит.

– Не помню, чтобы когда-нибудь раньше ела настолько неудачный пирог.

– Это не пирог, любовь моя, это шедевр нашего создателя рецептов лечебной магии. То, что он производит, редко бывает вкусным, однако лучших укрепляющих хлебов, лечебных супов, утешительного печенья и согревающих паст ты не найдешь нигде. Даже такое своенравное дитя Амберлинга, как ты, отреагирует на его снадобья.

И ведь правда. Внезапно мне становится удивительно хорошо! Как будто мое сердце – раскаленный камин, а живот – уютно свернувшаяся спящая кошка. Я слышу, как она мурлычет. Всем телом.

– Что стало с вампирами? – спрашиваю я. – Тебе удалось убежать?

– Лучше спроси, удалось ли сбежать вампирам. После того как ты исчезла, и они стали по-настоящему навязчивыми, мне пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы удерживать их на расстоянии. Вскоре мне на помощь прибыл патруль, и вампиры отступили. Сейчас они, скрипя зубами, прячутся в тенях леса, обеспокоенные тем, что мы осаждаем их территорию. Но теперь ты здесь, и мы сможем покинуть места их обитания уже сегодня ночью.

– Тебя не ранили?

– Ну, я получил несколько ядовитых царапин, и мне пришлось съесть порцию по-настоящему отвратительного лечебного супа. Но после мне стало лучше. Гораздо большей проблемой стало твое исчезновение. Мы обязательно должны держать это в секрете, слышишь? Если мой отец узнает об этом, ты умрешь.

Я оглядываюсь по сторонам. По крайней мере, солдат двадцать бегают по лесу и в курсе случившегося.

– Они подчиняются мне, а не императору, – объясняет Испе?р. – Пока я успешно преследую противников моего отца, они будут доверять моим решениям и молчать. Тем не менее мы в беде. Вообще-то я должен бояться тебя, а ты – меня.

– Я знаю, – говорю я. – Мы враги.

– Так видится со стороны. Но нам известно другое, ведь правда?

Он гладит мои руки и преданно целует в лоб. Я предпочла бы оставить эти ласки безо всяких возражений, но бдительность главной гномихи не дает мне покоя.

– А правда, что у тебя есть тайна? – спрашиваю я. – Та, что касается меня и очень обременяет тебя?

Он перестает меня целовать, задумчиво смотрит мне в лицо и, кажется, совсем не радуется моему вопросу. Потом едва заметно кивает.

– Я слушаю? – напираю я, потому что он не делает никаких попыток что-либо мне объяснить.

– Не сейчас, – отвечает он. – Мы должны вернуться домой. Твоя фея чуть не сошла с ума от беспокойства, а твои сестры рыдают с утра до ночи.

– Этци рыдает? – удивляюсь я. – Вот уж не верю!

– Рыдает-рыдает, но только из-за того, что я запретил барону появляться у вас дома. Кроме того, с тех пор как ты исчезла, твоих сестер не выпускали на улицу, и это тоже на них сказалось.

– Ты запер моих сестер дома?

– Не сердись, моя Лунолицая. За последние шесть дней мне пришлось изрядно потрудиться в Амберлинге, чтобы найти убийцу и его помощников. Если бы твои сестры выходили на улицу, мои враги могли бы напасть на них или похитить, чтобы оказать на меня давление. К тому же, по официальным данным, ты болеешь, и твоим сестрам необходимо находиться дома из-за опасности заражения.

– А почему ты выпроводил барона? Из-за предполагаемого риска заражения или чтобы мои сестры не проболтались?

– И то и другое. Но прежде всего потому, что этот мужчина меня озадачивает. Понятия не имею, кто он и что он. Разведчики, которых я нанял следить за ним, вернулись через три дня с пустыми руками. Это очень необычно.

– Ты уже расспрашивал его лично?

– Сначала мне нужно узнать о нем больше.

Он помогает мне подняться на ноги, и благодаря пересоленному яблочному пирогу я действительно в состоянии уверенно стоять и ходить. Онклидамия ждет нас на той же поляне, на которой мы высадились шесть дней назад. Только теперь эта поляна окружена солдатами.

– Львиное Сердце тоже находится под домашним арестом?

– Нет, – говорит Испе?р, забираясь в седло.

– Нет? – повторяю я.

– Он исчез, – признается Испе?р. – Последние три дня мы не видели его и ничего не слышали о нем.

– Что? – в ужасе восклицаю я. В моей голове разыгрываются весьма кошмарные сценарии: древние волшебники, возможно, захватили и похитили Львиное Сердце! Возможно, они сейчас держат его в каком-нибудь подземелье, чтобы угрожать мне, что превратят его в плодородный порошок или ветчину из линдворма, если я не сделаю того, что они от меня потребуют.

– Не волнуйся, – говорит Испе?р. – Все в порядке.

– Откуда тебе известно?

– Он переживает фазу любовных страданий, потому что Онклидамия стала относиться к нему холоднее, с тех пор как любовные чары утихли.

– Да что с ней такое? – укоризненно спрашиваю я. – Сначала она морочит ему голову, а потом отворачивается? Кто так делает?

– Это часть ритуала. Так поступают все линдвормы. Она прогоняет его, и он обиженно отступает. Тогда у них появляется время, чтобы осмыслить свои чувства. Когда он вернется из уединения через неделю или две, они оба примут важное решение.

– А именно?

– Хотят ли остаться вместе на всю оставшуюся жизнь или нет. Будем надеяться, что они будут единодушны, иначе один из них будет очень долго страдать от любовных переживаний. Чтобы преодолеть потерю великой любви, линдворму может понадобиться целый год.

– Очень странные брачные игры.

– Видишь? Все это звучит очень по-человечески.

– А что, если с Львиным Сердцем что-то случится, пока он будет отсутствовать?

– Он взрослый дракон. Он может позаботиться о себе.

На этот счет у меня есть некоторые сомнения, но, признаю, в отношении Львиного Сердца я всегда чрезмерно заботлива. Я взбираюсь на спину Онклидамии и усаживаюсь перед Испе?ром. Едва занимаю свое место, он обхватывает меня руками.

– Почти как тогда, – шепчет он мне на ухо. – Тебе не кажется?

Я знаю, что он имеет в виду тот летний день, когда он впервые сбил меня в лесу с ног, а вскоре после этого посадил на свою лошадь, чтобы отвезти обратно на дорогу. Даже тогда он знал больше, чем я, и ничего не рассказал мне.

– Ты должен доверить мне свою тайну, – настаиваю я.

– Да, – отвечает он. – Я сделаю это.

Ледяной воздух холоден, особенно когда Онклидамия взмахивает крыльями, но я не мерзну. Испе?р прижимает меня к груди, укутав мое тело своим плащом. Медленно, но верно Онклидамия набирает высоту, и мы летим вверх, в звездное зимнее небо.

Приятно вернуться домой. Я никогда не знала, что могу творить магию дома и очага, но, когда после почти семи дней отсутствия вхожу в свое собственное королевство, замечаю, как во мне расцветают чудесные силы. Добрые духи бросаются ко мне, тихие и невидимые, каждый угол и каждый кусочек сумеречного света внутри дома говорит со мной без слов. Я благодарна за это чувство. Могу на него положиться независимо от того, что еще произойдет в моей жизни.

На верхнем этаже распахиваются две двери.

– Золушка-а-а-а! – пронзительно вопит Этци. С Наташей на руках и в свободном элегантном халате – я даже не знала, что у нее такой есть – она спускается по ступенькам. – Как ты могла так с нами поступить? Ты всегда думаешь только о себе. Мы с бароном были обречены писать друг другу бесчисленное множество писем! Это был худший период в моей жизни.

Прежде чем я успеваю спросить, был он таким из-за писем барона или его явно выраженной орфографической безграмотности, на верхней площадке лестницы появляется Каникла. Закутавшись в свой плед, она осторожно, шаг за шагом, спускается вниз. По лицу ее бегут слезы.

– Где ты была? – всхлипывая, спрашивает она. – Долго я бы так не выдержала.

Ее горе пугает меня. Неужели Испе?р отказывал ей в добрых дарах королевского повара? Но только я собираюсь привлечь его к ответственности, как дверь в салон распахивается, и навстречу мне, шатаясь, движется моя фея. Видимо, она еще не ложилась спать, а сидела перед камином до двух часов ночи, собираясь с духом при помощи определенных жидких ингредиентов. Теперь у нее заплетается язык, что я понимаю по совершенно невнятному приветствию, похожему на «Воздарим раков».

Моя добрая фея отнюдь не склонна к вспышкам нежности, и все же я ожидаю, что она с облегчением заключит меня в объятия – ведь она знала, где я, и,

должно быть, от страха за меня совсем потеряла рассудок. Как бы не так! Прежде чем успеваю осознать, что моя фея задумала, как она уже преодолевает разницу в росте между собой и Испе?ром и раздается удар. Ошеломленная, я смотрю на свою фею-крестную: она отвесила сыну императора звонкую пощечину! И это несмотря на то, что он доставил меня домой целой и невредимой.

– Я проклинаю тот день, когда ты вошел в нашу жизнь! – кричит она, по крайней мере, я подозреваю, что кричит фея именно это, потому что говорит она очень невнятно. – Ты нужен нам здесь не больше, чем деревне – чума! Убирайся отсюда, забирай своих солдат и никогда больше не показывайся!

Испе?р в шоке, как и я. Он делает шаг назад и смотрит на мою фею с изумлением – словно на забавное, неразумное животное, которое, с одной стороны, кажется довольно занимательным, а с другой – может нанести новый удар, что определенно необходимо предотвратить.

– Неужели тебе не понятно, – спрашивает он, – что произошло бы, если бы покушение на Перисала расследовал мой отец? А не я?

Моя фея зажмуривает глаза и враждебно смотрит на него, не отвечая.

– Так я скажу тебе, моя дорогая Леонор: император заковал бы в цепи любого, хоть отдаленно пахнущего древней магией, и ты

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sammer_heylou/istinnyy-princ

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити